

попаданец

ПОПАДАНЕЦ

Владимир
Марков-Бабкин

1917:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ИМПЕРАТОР!

Попаданец (АСТ)

Владимир Марков-Бабкин

1917: Да здравствует император!

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Марков-Бабкин В.

1917: Да здравствует император! / В. Марков-Бабкин —
«Издательство АСТ», 2019 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-116981-7

Можно ли сломать ход истории за два дня? Особенно, если революция уже идет полным ходом. Михаил Романов, бывший военный летчик, а ныне топ-менеджер, попадает в великого князя Михаила Александровича и пытается вырваться из ловушки, но единственным путем к спасению становится будущая встреча с Николаем Вторым, в попытке изменить ход истории России. Но между ними 600 километров, а времени в запасе считанные часы. А в Петрограде события развиваются своим чередом. Охваченная революцией столица не подчиняется никакой власти и уже погрузилась в пучину анархии. Но пока по улицам бродят воодушевленные статисты с флагами, за кулисами революции идет большая игра.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116981-7

© Марков-Бабкин В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

За два дня до событий	6
Глава I	10
Глава II	17
Глава III	30
Глава IV	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Марков-Бабкин

1917: Да здравствует император!

Искренняя благодарность всем моим коллегам, принимавшим активное участие в обсуждениях и доработке текста книги на сайтах «Самиздат» и «В Вихре Времени».

Отдельное спасибо Виталию Сергееву за помощь.

Спасибо вам, друзья. Мы вместе сделали книгу лучше.

Посвящается моей семье

© Владимир Марков-Бабкин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Мой поезд катил по пригородам имперской столицы. Остались считанные минуты до того мгновения, когда я ступлю на перрон вокзала. Хорошо знакомого мне вокзала, на котором ни разу не был. Вчера я потерял жену, которую знал много лет и которую видел всего два раза в жизни. Рядом со мной вглядывался в окно мой шестилетний сын, которого я узнал лишь позавчера. И я сам словно мальчишка жадно вглядываюсь в окно, видя впервые все то, что видел регулярно все свои тридцать восемь лет жизни.

Я много раз бывал в Ленинграде. Еще большее количество раз я посещал Санкт-Петербург. И вот мне предстоит прибытие в Петроград. И прибываю в этот раз я не на «Сапсане», не на авиалайнере и даже не на собственном автомобиле. В клубах пара и дыма императорский поезд несет меня к городу, который в далеком будущем пафосно назовут городом трех революций.

Вот и все, лязг тормозов. Приехали. Приехал. Вот он – финал двух дней. Мог ли я о таком помыслить позавчера утром, оставляя в машине свой ноутбук и отправляясь на осмотр дворца, будь он неладен?

Оркестр играет встречный марш, построен почетный караул. Пора.

Шаг на перрон. Прибывшие и встречающие сошлись. Слышу доклад:

– Ваше императорское величество! Почетный караул для встречи вашего величества построен! Исполняющий должность главнокомандующего Петроградским военным округом полковник Кутепов!

Играет «Боже, царя храни!», маршируют, чеканя шаг, казаки собственного его императорского величества конвоя.

Государь прибыл в революционный Петроград...

За два дня до событий

Между 27 февраля 1917 года и 20 марта 2015 года сколько? Один миг. Между размеренной благополучной жизнью и катастрофой лишь один крик.

– Папá!

Удар молнии расколол мою голову. Мир пошатнулся и опрокинулся. Эхом звучал детский крик, кто-то мужским голосом взывал:

– Кличьте дохтура! Их высочеству плохо сделалось! Дохтура!

– Папá, что с тобой? Папá!

Тысячи, миллионы образов и воспоминаний обрушились на меня, заставив со стоном сжать голову. Вокруг поднялась какая-то суета, в темноте грота добавилось пляшущего света, замелькали огни керосиновых ламп. Забегали, замельтешили люди, кто-то что-то приказывал какому-то ротмистру. Да, как-то я оконфузился, теперь по всему замку будут шептаться и хихикать горничные с истопниками. Хорошо, смартфонов ни у кого не видно...

– Ворот! Ворот ему расстегните! На воздух! Срочно на воздух! Ротмистр, где же носилки?

Интересно, откуда у меня во дворце носилки? А, вероятно, из госпиталя для нижних чинов принесут, зря, что ли, я велел крыло своего дворца отвести под это богоугодное дело? Тут, конечно, не клиника третьего тысячелетия, но уж носилки-то у них должны найтись?

И точно, вот и носилки.

– Аккуратнее, господа, аккуратнее!

«Господа» достаточно бережно водрузили мою тушку на носилки и куда-то понесли. Интересно, неотложку уже вызвали? Во всяком случае, сирен машины «скорой помощи» я пока не слышал.

Свет брызнул мне в глаза, и я невольно прикрыл лицо рукой.

– Может, в дом?

– Нет-нет, ему нужен воздух. Пусть пару минут подышит. Кладите носилки на сено.

Интересно, еще пять минут назад здесь никакого сена не было. Да ладно тебе, вчера при тебе Тихон из саней выгружал. Ах да, Тихон. Тихон? В мозгах со страшным скрипом прокручивались и заново сцеплялись шестеренки моих извилин. Моих? Как понять-то? Боже, моя голова...

Разумеется, я делаю эти записи уже по прошествии времени, и многое из моего тогдашнего состояния вовсе выпало из памяти, да и не воспринимал я действительность совсем уж адекватно. Хотя и неадекватно также не воспринимал.

Что я испытывал в тот момент величайшего потрясения? Шок? Возможно, хотя истеричек в военную авиацию не берут, и боевой офицер не станет в момент кризиса биться в припадках, словно барышня из благородного семейства, увидевшая на любимом белом рояле выцарапанное гвоздем неприличное слово. Да и многолетний, полный цинизма и кризисов опыт топ-менеджмента также не располагает к падениям в обморок. Хотя, конечно, со стороны, вероятно, это смотрелось именно так.

Мне было неудобно смотреть снизу вверх на толпящихся вокруг моей персоны, и я велел:

– Помогите мне сесть...

Народ вопросительно взглянул на «дохтура», тот милостиво разрешил, и вот меня аккуратно усаживают на большой валун у входа в грот, предварительно накиннув на голый камень чей-то тулуп. Камня тут, кстати, тоже не было пять минут назад. Впрочем, это в мое время его здесь не было, а стоит он тут еще со времен Павла Первого...

Сижу. Собравшиеся стоят. Все смотрят на меня. Я смотрю на них. Пауза затягивается.

– Папá?

Перевожу взгляд на мальчика лет семи. Нет, шести, и мальчика этого зовут Георгий. Стыдно, батенька, не помнить возраст собственного сына! Сына? Гм...

«Дохтур» требовательно посмотрел на офицера.

– Ротмистр, где ваша знаменитая фляга? Надеюсь, она не пуста?

Офицер почему-то смутился, покосился на меня, но флягу достал.

– Ну, так это... вот, значит.

«Дохтур» протянул мне емкость. Делаю глоток. Коньяк обжигает мне горло, и я закашливаюсь. Военный смутился еще больше и прямо даже покраснел.

– Благодарю вас, ротмистр. Отменный коньяк.

Ну, значит, верно оценил причину его смущения. Мол, как может понравиться какой-то там ротмистрский коньяк самому великому князю. И моя похвала пришлась кстати.

– Ваше императорское высочество, возможно, сообразоволяете пройти в свой кабинет? Вам бы полежать...

Киваю.

– Да, доктор, было бы хорошо.

Хотя мне «полежать» и не надо, но из кабинета я, по крайней мере, выставлю всех, поскольку подумать мне есть над чем. Не каждый день проваливаешься на девяносто восемь лет в прошлое.

Возможно, кто-то удивится тому, что я не заламывал руки, не проходил стадии неверия, отрицания и все такое прочее, что обычно описывается в романах? Нет, жуткий стресс был, но я точно знал, где и когда я нахожусь, а если у меня были какие-то сомнения, то я мог бы просто посмотреть на свои руки, и это были отнюдь не руки Михаила Романова, бывшего военного летчика и топ-менеджера крупного медиа-холдинга, а были это пальцы и ладони великого князя Михаила Александровича. А если уж совсем меня накроют сомнения, то вон на стене зеркало, в которое я, кстати, уже пару раз посмотрелся. Ну чисто красна девица, честное слово!

Да и обстановка вокруг, мебель, стиль отделки интерьеров, фасоны одежды, манеры говорить, речевые обороты, а главное, и сами люди, встреченные мной в это кошмарное утро, – все это было совершенно иным и чуждым 2015 году.

И главное, я помнил всю жизнь человека, в теле которого я оказался. И человек этот, только не спрашивайте, как такое возможно, был моим прадедом. Повторяю – не спрашивайте. Понятия не имею. И давайте не будем рассуждать тут о причинно-следственных связях и прочей зауми. Вот честное слово, меньше всего меня это сейчас волнует.

А волнует меня вот что. На дворе, со всей очевидной ясностью, 27 февраля 1917 года. В Петрограде уже полным ходом идет, прости господи, Февральская революция. И можно было бы порадоваться такому жизненному взлету (ну еще бы, оказался в теле родного брата императора!), если бы не такая мелочь, как то, что в результате всей этой кутерьмы с революцией вашего покорного слугу застрелят в лесу, как пса. Да и царственного брата Колю тоже расстреляют. Прямо вместе с семейством, прислугой, докторами и даже, говорят, собаками. В последнем факте я сомневаюсь, но в данный момент это не имеет значения.

Проблема сейчас в другом – я решительно не представляю себе, что делать. Абсолютно не представляю. Всяким попаданцам в книгах хорошо было, у них либо впереди долгие годы на то, чтобы что-то затеять и изменить, либо они попадали в тело какого-то второстепенного персонажа, который мог чудить, как угодно. А у меня, блин, даже на учудить времени совсем нет!

Словно в подтверждение этого факта, в дверь кабинета постучали. Вот к тебе и пожаловал внешний мир, гражданин великий князь.

– Войдите!

Входит невысокий человек с усиками и беспокойством на лице.

– Ваше императорское высочество! Мне только что сообщили. С вами все в порядке? Вы крайне бледны!

Пожимаю плечами.

– Насколько это возможно в нашем лучшем из миров. Что у вас, Николай Николаевич?

Хорошо хоть, мне не приходится мучительно думать над вопросами типа «А кто это такой?» и память великого князя снабжает меня всей полнотой информации, которой владел он сам. Так что, кто это, я знал, а мой личный секретарь господин Джонсон сразу же изобразил деловой вид и доложил официальным тоном:

– Ваше императорское высочество, председатель Государственной думы господин Родзянко испрашивает дозволения переговорить с вами по телефону. Говорит, что дело срочное и государственной важности.

Ну вот, началось. Куда бежать и где мои вещи?

– Да, благоволите.

Вот откуда у меня вот это старорежимное «благоволите»? Не иначе как вместе с оперативной памятью и данными жесткого диска прадед передал мне «в наследство» еще и привычки с лексиконом! А впрочем, почему я беру «в наследство» в кавычки? Оно так и есть, как ни крути.

Джонсон крутит ручку и протягивает мне трубку. Его, кстати сказать, тоже в том лесочке пристрелят. Прямо рядом со мной. Так что протягивая мне сейчас эту трубку, он протягивает руку и к собственной гибели.

Глубоко вздохнув, говорю в старинный микрофон:

– Слушаю!

– У аппарата председатель Государственной думы Родзянко. – Слышимость была плохая, но не настолько, чтобы не понимать собеседника. – Я имею честь говорить с великим князем Михаилом Александровичем?

Ну что, Миша? Добро пожаловать в кровавый мир потрясений и кошмаров эпохи Февральской революции?

– У аппарата великий князь Михаил Александрович.

– Ваше императорское высочество! – бодро заговорил человек в телефонной трубке. – Как вы знаете, Петроград охвачен волнениями. Четвертый день на улицах толпы народу, общественная жизнь в смятении. Отмечены первые случаи отказа войск выполнять приказы. Столица погружается в анархию. Государственные институты бездействуют, правительство князя Голицына самоустранилось, военные в растерянности. Никто не хочет взять на себя ответственность за ситуацию. Ваше императорское высочество, Россия ждет от вас участия в деле восстановления общественного спокойствия и проведения реформ. Только отставка правительства князя Голицына и созыв ответственного министерства смогут успокоить умы в этот нелегкий час, когда Отечество наше в опасности!

Хорошо поет. Чувствуется профессиональный политик-интриган. Ладно, послушаем предлагаемые расклады.

– Что вы предлагаете?

– Ваше императорское высочество! Как член императорской фамилии и как брат государя, вы можете спасти Россию. Повлияйте на императора в вопросе дарования ответственного министерства. И мы все, вся прогрессивная общественность, ждем вас в этот непростой час в Петрограде. России нужен державный вождь и решительный человек, который поведет общество в эту тяжелую годину. Приезжайте в столицу и примите диктаторские полномочия, возглавив переходное правительство и гарнизон Петрограда до момента, когда реформы смогут успокоить общество и вернуть рабочих с улиц на фабрики и заводы, а солдат в казармы!

Ха-ха. «Прогрессивная общественность». Серпентарий в чистом виде. Сколько в данную минуту осуществляется разных мятежей? Эта самая «прогрессивная общественность», думцы,

генералитет, промышленники, англичане, французы, немцы опять же. И это далеко не весь список, и у каждого свои цели и интересы, часто противоречащие друг другу. Сейчас у них только одна общая цель – свалить с трона Николая, а затем уж они перегрызутся, как стая голодных собак вокруг куска мяса, погрузив страну в хаос революционной анархии и грядущей Гражданской войны. Заговорщик на заговорщике сидит и заговорщиком же погоняет. И с лидером одного из заговоров я как раз и имею, прости господи, честь разговаривать!

Отвечаю предельно официально:

– Хорошо. Я желаю встретиться в Петрограде с князем Голицыным, генералами Хабаловым и Беляевым, а также со здоровыми силами общества.

– Ваше императорское высочество! – обрадованно запрочитал человек с той стороны. – Мы счастливы будем увидеть вас в Петрограде! Я лично встречу вас на вокзале и гарантирую самую радушную встречу!

Это да. И прямая дорога мне от вас прямо на расстрел.

– Договорились, – буркнул я и повесил трубку на рычаг.

И, повернувшись, взглянул в зеркало на стене. Оттуда на меня по-прежнему смотрел великий князь Михаил Александрович Романов. М-да. Шлепнут они тебя, Миша, вот что.

– Прикажете подавать машину?

– Готовьте авто, но пока не подавайте. Мне надо подумать.

Джонсон склонил голову и вышел. Вероятно, отправился, по своему обыкновению, стучать на меня английской разведке.

Я повернулся к окну. Да, надо думать, и думать быстро. Потому как выхода из западни пока не видно, а рок вот-вот сомкнет свои ледяные пальцы на моем горле.

Глава I Гатчина

Петроград.

27 февраля (12 марта) 1917 года

По Высочайшему повелению город Петроград с 27 сего февраля объявляется на осадном положении.

Командующий войсками генерал-лейтенант Хабалов, 27 февраля 1917 года

Гатчина.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Возможно, кто-то мечтает попасть в прошлое, да еще и в тело великого князя. Как же, брат самого царя, боевой генерал, лихой наездник, командир знаменитой Дикой дивизии, любимец женщин и прочей светской публики. Подвиги всякие, балы, интрижки, высокое общество, ах-ах, такой душа и романтик! Или другие скажут: что ж ты, гад, стоишь, беги – спасай Россию, твори историю! Во-первых, подвигами всякими я сыт по горло на войне в свое время, во-вторых, никаких балов и прочих светских удовольствий меня тут вовсе не ожидает, а ждут меня охваченный волнениями Петроград, Февральская революция и скорая пуля в голову в конце очень короткого здесь жизненного пути. Но, главное, что касается спасения России, то я очень даже «за» ее спасти, но пока я не вижу способа спасти даже себя самого. А вот насчет истории все верно, в историю я попал. Конкретно так попал.

Так что гляжу я на этот мир предельно неприязненно, испытывая к нему теплых чувств меньше, чем к запыленному и валяющемуся в гараже школьному учебнику истории. Впрочем, уверен, что окружающий меня мир относится ко мне со взаимным отвращением.

Что мы, в моем лице, имеем? Если отбросить все контрпродуктивные надежды на то, что все само собой переиграется, что временной глюк рассосется сам собой, а я весь такой в белом окажусь вдруг в своем московском начальственном кабинете, оставив тут всех по уши в дерьме, то... Нет, не подумайте обо мне плохо, разумеется, я так бы и поступил, будь у меня подобная возможность. В конце концов, кто я тут такой? Случайным образом оказавшаяся в механизме песчинка, не имеющая к нему ни малейшего отношения. Невзирая на тело и память прадеда, я не чувствовал ничего общего с тем, что происходит сейчас за окнами этого кабинета. Это не мой мир, не моя империя, не моя революция. Зато погибнуть у меня шанс чрезвычайно велик, и это при том, что я как бы и не при делах вовсе. Так что спроси у меня сейчас кто-нибудь, готов ли я вернуться в свое время к своей привычной жизни, я бы не колебался ни минуты, уж поверьте. Но такой возможности у меня нет и не предвидится. Посему, мечты и надежды в сторону. Займемся прозой бытия.

Блин, голова просто квадратная и никак не желает приходить в норму. Звон моего колокольчика уведомил адъютанта, что я желаю его видеть.

– Кофе, голубчик, организуйте!

– Сию минуту, ваше императорское высочество!

Хорошо быть высочеством, но кофе мне прекрасно сварила бы и моя секретарша в моем же офисе. А так это больше похоже на последнюю сигарету перед казнью. Впрочем, сигарет тут еще не изобрели, а папиросы вызывают у меня психологическое отвращение.

Итак, какие у меня варианты, так сказать, переписать историю, спасти Россию или хотя бы себя самого?

Попытаться убедить Николая Второго взять наведение порядка в собственные руки, провести какие-то реформы или хотя бы объявить о них? Николай отличался, эм... отличается ослиным упрямством и способностью упорно игнорировать все, что ему говорят, если ему это

«все» не по душе. Во всяком случае, ни прадеду, ни тому же Сандро, ни другим членам императорской фамилии на него, перед началом Февральской революции повлиять не удалось. Еще эта гадская история с убийством Распутина, которая настроила царя на конфронтацию с родней... Подумаешь, зять Сандро князь Юсупов собственноручно прикокнул «святого старца». Ну, по крайней мере, так говорил весь высший свет, хотя не исключено, что без «гадящей англичанки» в деле Распутина не обошлось, слишком уж разнились мемуары Юсупова и полицейские материалы с описанием характера ран убиенного и осмотром самого места преступления. Впрочем, куда-то меня не туда понесло, черт с ним, с этим Распутиным, времени-то у меня все меньше!

– Ваш кофе, ваше императорское высочество. Свежие газеты смотреть желаете?

– Благодарю. После. Все после.

Адъютант вышел, а я, отхлебнув ароматный напиток, принялся думать дальше.

Так вот, в теории, я мог бы попытаться Николая убедить в личной беседе. Причем отнюдь не благодаря моему какому-то красноречию, а исключительно за счет того, что я знаю последующие события и подробности заговоров. Но между нами шестьсот километров, а телеграф в Ставке в руках наштаверха генерала Алексеева, который как раз военный заговор и возглавляет. И насколько я помню из истории, вечером этого дня оригинальный великий князь Михаил Александрович телефонировал из Петрограда Николаю и пытался его убедить. Но лично говорить император не пожелал, связь была через генерала Алексеева, и результат науке известен. Так что вряд ли и я смогу тут что-то сделать, без визита в Могилев, а оказаться там до отъезда царя в ту роковую поездку, в которой его принудят к отречению, никак не получится.

Да что ж такое! Курить хотелось просто невыносимо! Я в своем будущем практически не курил, разве что трубочку в хорошей компании, но тело прадеда привыкло к огромным дозам никотина и требовало очередной порции. Вот гадство! Мало мне проблем, так и с этим еще!

– Граф!

В дверях появился адъютант.

– Вот что, Илларион Илларионович, в кабинете моего царственного папá есть коллекция курительных трубок, знаете?

– Так точно, ваше императорское высочество!

– Принесите мне несколько разных на ваше усмотрение.

– Слушаюсь!

Не знаю, о чем он сейчас думает, да мне на это и плевать, откровенно говоря.

Теоретически, опять же, я могу воспользоваться «приглашением» Родзянко и выехать в Петроград, где, вероятней всего, меня примут под белы ручки прямо на вокзале. Впрочем, кое-кто утверждает, что по прибытии в Петроград мой прадед был предоставлен сам себе, но лишь без толку весь день прослонялся по Петрограду, встретился с Родзянко и другими членами будущего Временного правительства, пообщался с трясущимся от страха премьер-министром князем Голицыным. И в итоге отказался своим именем придать легитимность перевороту и не принял командования над остатками верных царю войск и даже велел им покинуть Зимний дворец. После чего якобы по своей инициативе спрятался на Миллионной улице, дом 12 в квартире князя Путятина и тихо просидел там взаперти «пережидая опасность» до самого отречения Николая, а затем и быстренько сам отрекся, уступив «уговорам» Родзянко, «не гарантирующего безопасность при ином решении».

Не знаю, может, так и было. Но меня смущает несколько моментов в этой странной истории. Первый – все эти занимательные рассказы писались уже после Февральской, а часто и Октябрьской революции. И даже значительно позже окончания Гражданской войны. В те времена участники этих позорных событий всячески старались обелить себя и выставить крайними других. Второе – самого Михаила Александровича Романова после свержения монархии об этом никто не спрашивал, и говорить он вряд ли мог свободно, будучи «под охраной». Да

и расстреляли его сравнительно быстро, а после смерти можно писать о нем что угодно, опровержения не будет. Третье – есть мнение, что и генерал Хабалов, и генерал Беляев, то есть лица, непосредственно командовавшие армией в Петрограде, были сами участниками военного заговора, иначе никак не объяснить их внезапную слепоту, пассивность и боязнь принятия решений, которые они принимать были обязаны по умолчанию, не дожидаясь какого-то особого повеления императора. И наконец, четвертое – есть фраза Родзянко, сказанная во время нашего сегодняшнего телефонного разговора, что, мол, он лично меня будет встречать на вокзале. Понятно, что встречать меня он будет не один и, вероятно, не с цветами. Так что сомнительно, что мне дадут возможность влезть на броневик и толкнуть речь перед верными трону солдатами. Не для того это все затевалось.

Где же моя трубка?! Куда пропал этот чертов граф Воронцов-Дашков, мать его эдак! Сколько можно ходить на другой этаж дворца!

– Михаил!

Я невольно поморщился. Блин, как не вовремя! Но через мгновение взял себя в руки и обернулся уже с улыбкой.

– Да, дорогая Натали.

Графиня Брасова собственной персоной. Жена моего прадеда, а теперь, получается, моя жена. Я покосился на обручальное кольцо у себя на безымянном пальце. Ну да, не было печали, получи еще и это.

– Я делала визиты, когда мне сообщили о том, что у тебя случился припадок.

– Не было у меня никакого припадка, дорогая. Просто...

Но она меня не слушала.

– Я имела обстоятельный разговор с доктором Ланге. Он описал произошедшее, так что не нужно меня успокаивать. Господин Ланге сообщил мне о результатах твоего осмотра, я также попросила его осмотреть Георгия. Мальчик очень напуган и подавлен. Это было очень легкомысленным решением повести его в туннель, Михаил!

О, а нашей Натали пальца в рот не клади, простите за невольную рифму. Что ж, два скандальных развода и окольцованный в итоге великий князь – все это лишний раз говорит о том, что эта женщина точно знает, чего хочет в жизни. А глядя на нее сейчас, я четко понимаю, что она к цели идет буквально по головам.

Графиня меж тем продолжала:

– Мне сообщили, что ты велел подготовить автомобиль к поездке. Правильно ли я понимаю, что ты намерен выехать в Петроград?

Быстро у нее все. Прямо схвачено. Сразу видно, что эти изящные ручки держат дворец в ежовых рукавицах.

Что ж, поддержим легенду. Киваю:

– Да, дорогая, государственные дела требуют моего присутствия в столице.

К моему удивлению, она утвердительно склоняет голову.

– Это мудрое решение, Михаил. В час, когда все рухнет, ты должен оказаться в самом центре событий. А Николай Николаевич наверняка не успеет вернуться с Кавказа вовремя. Кстати, ты должен, наверное, знать – в Зимнем сейчас тепло?

– В Зимнем?

Она терпеливо пояснила свой вопрос:

– В Зимнем дворце, разумеется. Где же еще?

Я даже как-то слегка прифигел от такого вопроса.

– Вероятно, тепло. Там все ж таки военный госпиталь на полдворца. Должны же его отапливать.

Графиня насмешливо смотрит на меня.

– Эх, мужчины! Позволю тебе напомнить, что я занимаюсь обустройством и обеспечением всех нужд госпиталя здесь, в Гатчинском дворце, и госпиталя в нашем особняке в Петрограде. И я знаю, о чем говорю. Дворец огромен, в жилых покоях царской семьи давно никто не живет. А позади зима, в залах может быть очень сыро. Я же должна понимать, в каких условиях мы будем жить. Да и не хватало, чтобы наш мальчик простудился от сырости или жил среди плесени. Так что будешь сегодня в Зимнем – обязательно осмотри жилую часть дворца, хорошо?

Нравится мне такая форма отдачи приказов – сначала отдать, а затем уточнить – хорошо? Ненаглядная Натали меж тем продолжала развивать мысль и строить планы на будущее.

– Я только что была с визитом у Оболенских. Они сегодня приехали из столицы и привезли свежие новости. Весь высший свет говорит о твоём регентстве как о вопросе решённом. События уже не остановить, и все ждут отречения Николая в ближайшие несколько дней. Поэтому ты абсолютно прав, решив немедленно выехать в Петроград. И я, Михаил, поддерживаю это твоё решение. Постарайся держать меня в курсе событий и дай знать, когда нам выезжать. Я пока прикажу прислуге собирать вещи в дорогу. Сообщи, когда будешь готов уезжать, мы с Георгием тебя проводим.

Она чинно поцеловала меня в щеку и направилась к выходу. В дверях она обернулась:

– Ты не представляешь себе, с каким удовольствием я буду принимать в Зимнем дворце всю эту высокородную публику, которая смеялась надо мной и отказывала в визитах!

Графиня Брасова злобно, но торжествующе полыхнула глазами и покинула кабинет.

Я смотрел на закрытую дверь и пытался понять – действительно ли мой прадед любил эту женщину? Неизвестно. Предоставив в моё полное распоряжение своё тело и свою память, он решительно отказался поделиться своими чувствами и эмоциями. Судя по воспоминаниям, вероятно, да, любил. Хотя изначально весь скандальный и демонстративный роман с женой своего подчинённого поручика Вульфберта был лишь мстью мамá, вдовствующей императрице Марии Федоровне, за то, что она, опасаясь скандала, разрушила их роман с женой подполковника Мостовского Ольгой Кирилловной, как перед этим расстроила роман с фрейлиной Александрой Коссииковской. Знал бы мой прадед, что именно от не столь известного обществу романа с Ольгой Кирилловной и появился в итоге на свет я! Не является ли мой провал в прошлое в тело прадеда своего рода иронией судьбы и мстью с её стороны? Поди знай.

А графиня... Что графиня? Наталья Шереметьевская, она же Наталья Мамонтова, она же Наталья Вульфберт, она же графиня Брасова. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой, голова за головой – шла она к своей цели, не останавливаясь ни перед чем. Два скандальных развода, оставление дочери от первого брака её отцу-пианисту, жизнь, полная интриг и авантюризма. По ней можно было писать приключенческие романы, достойные пера Александра Дюма.

Я смотрел на дверь, которая только что закрылась за графиней, считающей себя уже без пяти минут регентшей империи и, уверен, не желающей на этом останавливаться. И я даже как-то начинал бы опасаться за жизнь цесаревича Алексея при таком напоре с её стороны. Не сейчас, так потом, когда он, как моя дражайшая супруга полагает, станет императором. Когда Алексей Второй станет последним слабым препятствием между ней и вождённой короной, может возникнуть очень большой соблазн. Да уж.

К счастью, опасения напрасны, быть регентшей ей не суждено, поскольку сам я также не стану официальным правителем государства при малолетнем императоре. И не потому, что не хочу, а потому, что карта монархии в России бита и эта группировка заговорщиков потерпит сокрушительное поражение. И уж я-то, провалившийся сюда из 2015 года, знаю это лучше, чем кто бы то ни было в этом времени.

И тут, наконец, в дверях нарисовался граф Воронцов-Дашков с грудой трубок в руках.

– Ваше императорское высочество! Трубки вашего царственного папá!

Хмуро смотрю на выкладываемое на стол разнообразие курительных трубок. Затем интересуюсь:

– А табак?

Глаза у графа округлились.

– Виноват, ваше высочество! Сию минуту!

И пулей вылетает из кабинета. Вот что с ними делать? Работнички! Что здесь, что там, в моем мире и в моем времени.

Так, не трать время попусту! Думай!

Ладно, допустим даже, что я действительно отправляюсь в Петроград и якобы соглашаюсь поиграть с Родзянко в диктатора, надеясь в перспективе перехватить реальную власть. Во-первых, Николай Второй никогда не одобрит этого финта ушами, а во-вторых, без высочайшего одобрения это фактически открытый мятеж против действующего монарха. И ладно бы мятеж, в конце концов, в прошлой жизни, в том далеком будущем, я присягал России, а не этому самодержцу Всероссийскому, но удержать власть я никак не смогу. Да что там удержать! Со сложившимся в этом мире имиджем моего прадеда, в теле которого я оказался, за мной не пойдет ни одна серьезная сила. Легкомысленный, легко поддающийся чужому влиянию, абсолютно несамостоятельный персонаж. Поэтому меня Родзянко и сватал в диктаторы, поскольку уверен, что я ничего делать не могу, а своим именем лишь придаю подобие легитимности всему их мятежу.

И ладно бы Родзянко со товарищи были серьезными ребятами, за которыми стоит что-то реально имеющее вес и силу, так нет же, они сами в шоке от самой мысли, что верховная власть просто самоустранилась. Не верят они, что все так легко, ищут подвоха. Нервничают. Надувают при этом щеки и делают значительный вид. Но по факту, они сами в растерянности и панике. Пытаются найти выход и подстраховаться. В том числе еще и по этой причине им нужен я. Но нужны ли они мне? Особенно с учетом того, что я им нужен лишь на пару-тройку дней, а потом стану просто опасен? Монархия в России им не нужна, а меня, как основного претендента на престол после Алексея, даже к формальному регентству не допустят. Да что там говорить о регентстве – меня из-под «охраны» не выпустят, ибо «не могут гарантировать безопасность». И все опять же кончится пулей в голову.

Не знаю, ощущал ли такую же беспомощность мой прадед в тот день, когда на Миллионной улице в доме номер 12 сидел над листком с текстом своего отречения от короны. Возможно. По крайней мере у меня было именно такое чувство. Выхода я не видел.

Ну, кроме как попытаться прорваться через границу в Швецию, пока еще возможно. Да, горький хлеб эмиграции, но хотя бы голова на плечах. Да, вариант не самый лучший, но и не худший. Но, блин, что делать с новоприобретенным семейством? Пусть они и не мои, но теперь как бы уже и мои. А я уверен, что графиня не только не согласится уехать, но и скорее запрет меня в этом кабинете, чтоб не сбежал и не разрушил ее возделенную мечту. Еще бы – один шаг до регентства и два-три шага до короны Российской империи! А тут я такой, типа давай сбежим в Швецию. Ха-ха. Да уж.

Так, и где мой адъютант? Что за неповоротливая bestия? Курить хочется, просто спасу нет.

– Граф!

Тишина. М-да.

Надо будет второго адъютанта завести. Да. И работа совсем остановится. Черт знает что такое!

А, нет, слышу шаги.

– Илларион...

– Простите, ваше императорское высочество, вашего адъютанта на месте нет, поэтому я без доклада.

Господин Джонсон, мой личный секретарь и, по совместительству, агент британской разведки. Вот и этот меня не пустит в Швецию, в планы Лондона это вовсе не входит. Не для этого ведется такого масштаба большая игра.

– Слушаю вас, Николай Николаевич.

– Телеграмма от господина Родзянко. Председатель Государственной думы сообщает, что в целях обеспечения безопасности вашего императорского высочества и для обеспечения охраны в пути, из Петрограда в Гатчину выехал специальный поезд с надежными солдатами. Их прибытие на вокзал Гатчины ожидается в течение часа.

Оп-па! Вот ты, Мишенька, и доразмышлялся! За тобой уже выслали группу захвата!

– Так, срочно одеваться! Авто к парадному!

Ай-ай-ай, Миша, сейчас тебя за одно место и возьмут, философ хренов!

– Возможно, ваше высочество, следует их подождать во дворце?

Ага, сейчас, стану я ждать, пока захлопнется западня.

– Нет, выезжаем немедленно! Встретим их на вокзале!

– Ваше высочество!

Топот ног, вбегает запыхавшийся и красный полковник граф Воронцов-Дашков.

– А, граф, рад вас видеть в добром здравии! Вы просто образец быстроты!

– Виноват, ваше высочество, но в кабинете вашего царственного папá не было табака, и мне пришлось одолжить его у доктора Ланге!

Ну что за день! Что за скверная оперетка!

– Едем!

Гатчина.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Вновь одетый в бекешу, с папахой на голове и шашкой на боку, быстро иду к выходу. У парадного стоит автомобиль, и водитель не глушит двигатель, дабы сразу ехать на вокзал. Быстрее, надо убираться отсюда! Пока не знаю куда, но думать времени уже нет!

– Михаил!

Да, что ж такое-то! Оборачиваюсь уже почти у самой машины. На лестнице стоят графиня Брасова и мальчик Георгий, он же граф Брасов, он же как бы мой теперь сын.

– Дорогая!

Она смерила меня холодным взглядом.

– Ты обещал дать знать, когда соберешься уезжать.

– Прости, дорогая Натали, внезапное дело, надо ехать.

Графиня посмотрела на малолетнего графа и велела:

– Георгий, что нужно сказать, когда папá уезжает?

Мальчик шмыгнул носом и спросил:

– А ты когда приедешь? Ты мне обещал, что мы весь день будем вместе...

Игнорирую недовольный взгляд «жены», приседаю перед мальчишкой и беру за плечи.

– Сынок, так бывает, что взрослые нарушают свои обещания. Проклятые взрослые дела.

Но я вернусь, и мы обязательно будем вместе.

Верил ли я в то, что говорил? Не знаю. Вероятно, да, ведь дело идет к тому, что меня таки перехватят где-то и «обеспечат охрану». А после отречения, как и в моей истории, посадят под домашний арест. Так что некоторое время, до высылки в Пермь, я действительно буду здесь. А так – как Бог даст.

– Михаил!

Я еще раз крепко обнимаю Георгия и встаю в полный рост.

– Да, дорогая?

– Ты помнишь про Зимний дворец?

Ох, кому что.

– Конечно, милая Натали, я все сделаю.

– Это важно.

– Понимаю. Ну, в крайнем случае, здесь проживем пока.

Она на меня посмотрела, словно на ненормального.

– Шучу, дорогая. Все будет хорошо!

Но не у всех. Потому что всех очень много, а хорошего в этой жизни крайне мало.

Уже запрыгнув в автомобиль, машу семейству рукой и вижу, как отчаянно машет мне на прощание Георгий.

Глава II

Смутный полдень

Петроград. 27 февраля (12 марта) 1917 года

– И вот что я вам скажу, братцы, – Кирпичников обвел взглядом строй. – В последний раз скажу. Если вы не решитесь на это, то пропали наши головушки. И ваши колебания выльются боком всем нам!

– Дык опять ты за свое? – из строя раздался злой возглас. – Сто раз уж говорено, что мы приказ выполняли! За что им наши головушки того?

– А за то, Пажетных, что, выполняя этот самый преступный приказ, мы вчера положили сорок человек революционных демонстрантов. Революционных! – Тимофей Кирпичников произнес это слово по слогам и с нажимом. – Смекаете? Я ж вам говорю – завтра царя обязательно скинут, и придут к нам после этого товарищи из новой власти и спросят, что ж вы, суки, против революции поперли и товарищей наших постреляли? И будет нам фронт за счастье, а то и на каторгу загремим. – Унтер помолчал и добавил со значением: – Если не расстреляют нас, как пособников царизма. А расстрелять могут легко.

– Дык, не пойму я, за что нас расстреливать-то? Да и по какому такому закону расстреливать? Мы ж мятеж не поднимали! Да и решили мы уже все!

Кирпичников со злостью посмотрел на Пажетных, который продолжал сопротивляться его планам.

– А вот по законам революционного времени и расстреляют. И разбираться не будут. После победы революции столько будут расстреливать, что там, – он махнул рукой куда-то в сторону Таврического сада, – даже колебаться никто не будет на наш счет!

Пажетных что-то буркнул, и в казарме вновь воцарилась тишина. Все мрачно обдумывали сказанное и пересказанное за эту бурную ночь.

Собственно, мрачное настроение воцарилось в учебной команде с самого вечера, когда вернувшиеся с улиц в казармы солдаты учебной команды Волынского лейб-гвардии запасного пехотного полка узнали, что далеко не все солдаты других полков выполнили приказ стрелять в толпу.

Более того, стало известно о мятеже четвертой роты запасного батальона Павловского лейб-гвардии пехотного полка, которая отказалась выполнять приказ об открытии огня по толпе митингующих, а вместо этого открыла стрельбу по отрядам полиции и даже по пытавшимся их образумить собственным офицерам. Мятеж был жестко подавлен солдатами лейб-гвардии Преображенского полка. Рота была арестована, однако оказалось, что размещать полторы тысячи новых арестантов просто негде – комендант Петропавловской крепости согласился принять лишь девятнадцать человек, а потому остальных пришлось, пожурив, распустить по казармам.

То есть, с одной стороны, имел место вооруженный мятеж, что в условиях войны было чревато трибуналом и расстрелом, а с другой стороны, к мятежным солдатам за стрельбу по полиции и собственным офицерам по существу не было применено никакого реального наказания. А это ясно свидетельствовало о неспособности властей принимать решительные меры. Тем более что кроме случая с солдатами Павловского полка было известно о других случаях отказа выполнять приказы и даже о случаях братания с митингующими, которые все так же не повлекли за собой никаких последствий. И в связи с этим возникал вопрос – а верно ли они поступили, выполнив этот самый вчерашний приказ и перестреляв сорок человек?

Поэтому всю ночь в казарме шли горячие споры о том, правильно ли они поступили или неправильно и что же им делать впредь – ведь было очевидно, что наутро их снова погонят

на улицы столицы и прикажут стрелять. Как всегда бывает во время споров, мнения солдат разделились.

Одни напирали на то, что приказы можно и нужно не исполнять, поскольку старая власть вот-вот падет, чему явным свидетельством была полная растерянность господ офицеров, которые явно сами не знали, что им, собственно, делать, а приказы, которые они сами получали от командования, были неоднозначными, половинчатыми, а порой и явно саботажными. А потому многие склонные к бунту солдаты считали возможную смену власти вопросом практически решенным. И задачей своей они видели присоединение к восставшим для того, чтобы, во-первых, помочь делу революции и убрать царицу-немку, предателей, дворян и прочих кровопийц, а во-вторых, для того, чтобы успеть проявить себя перед новой властью, что, по их мнению, сулило многое в самом ближайшем будущем. Особенно на этих аргументах настаивали унтеры Кирпичников и Марков, которые всю ночь бродили между поставленными в четыре этажа рядами солдатских коек и вели горячие споры с сослуживцами.

Другие напирали на то, что присяга была дадена и присягали они государю Николаю Александровичу, который высочайше повелел: «Завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны», – а потому тут и думать нечего. Да и сколько было бунтов на Руси, и всегда власть верх брала, а бунтовщиков и смутьянов отправляли на каторгу или на виселицу. Хотя ситуация вокруг мятежа солдат Павловского полка показывала, что в нынешнее смутное время за бунт могут и просто пожурить.

Третьи же, и их было большинство, предпочитали занять выжидающую позицию, ограничившись сообщением штабс-капитану Лашкевичу о том, что солдаты не хотят стрелять в народ, а потому из казарм выходить не будут.

Единственное, что объединяло всех, это полное сочувствие требованиям митингующих. И если лозунги о восьмичасовом рабочем дне и повышении зарплат для рабочих их касались мало, то вот вопрос о земле вызвал среди солдат, подавляющее большинство которых до мобилизации были малоземельными и безземельными крестьянами, однозначное одобрение. Горячие споры велись лишь о том, как делить помещичью землю и когда именно это делать. Многие высказывали опасение, что пока они тут в солдатах, там, дома, всю землю и поделят, забрав все лучшие наделы и оставив им лишь то, на что не нашлось охотников.

Споры о том, что же делать, громко шли всю ночь, что, в общем, было неудивительно, поскольку говорить о соблюдении команды «отбой» как таковой и о каком-то контроле настроений в казармах со стороны офицеров совершенно не приходилось. В условиях массовой гибели кадровых офицеров на фронте и их острой нехватки вообще в армии, в тылу недавно отобилизованным из деревень солдатами приходилось заниматься либо офицерам, которые были спешно мобилизованы из запаса, либо офицерам-фронтвикам, прибывшим в Петроград по случаю ранения. Последней категории солдаты запасных батальонов были вообще малоинтересны, ведь им самим предстояло скорое возвращение на фронт, вот они и спешили урвать хоть немного столичной жизни, чтобы было о чем рассказать завидующим сослуживцам по возвращении на позиции.

Да и вообще офицеров в запасных батальонах катастрофически не хватало. Любых офицеров. Включая даже таких, как их собственный прапорщик Колоколов, еще недавно бывший студентом и попавший под такую же мобилизацию, как и его горе-подчиненные. У Колоколова не было ни управленческого опыта, ни особого желания поддерживать дисциплину. А потому фактическим командиром учебной команды в ночное время был старший унтер-офицер Кирпичников собственной персоной.

А если к этому добавить и безумную скученность солдат в столице, где в казармы, рассчитанные на 20 тысяч человек, было буквально втиснуто целых 160 тысяч, то говорить о каком-либо подобии дисциплины в условиях беспорядков на улицах было практически невозможно.

Итак, к утру основная часть пришла к решению: стрелять отказаться, из казарм не выходить, но и открытого мятежа не устраивать. Это устроило большинство. Большинство, но не Кирпичникова, который старался все же убедить сослуживцев в необходимости активных действий.

– Вы ж поймите, братцы, – продолжил увещевать Тимофей, – может, кому зачтется как заслуга перед революцией и то, что они лишь отсилятся в казармах, но на нас сорок убитых вчера, и с нас будет спрос особый! Только подвиги во имя революции смоят с нас кровь погибших вчера! Да таких подвигов, чтобы про вчера и думать забыли!

Тут послышался звон шпор, и Кирпичников быстро занял свое место. Вошел доблестный прапорщик Колоколов, который и в военной форме выглядел типичным безалаберным студентом. Обведя заспанным взглядом строй, он буркнул без особого энтузиазма:

– Здорово, братцы.

Строй ответил уставное «Здравия желаю, ваше благородие!» Колоколов традиционно вздрогнул и хотел уже что-то сказать, но тут вновь послышался мерный звон шпор. Кто-то шел к ним. Команда замерла.

И вот перед строем показался сам штабс-капитан Лашкевич, надменно поглядывающий на солдат сквозь стекла своих дорогих очков в золотой оправе. Пройдя вдоль линии строя, Лашкевич занял положенное по уставу место перед строем и браво выкрикнул:

– Здорово, братцы!

Однако вместо положенного уставом приветствия 350 луженых глоток вдруг слитно проорали:

– Ура!!!

Штабс-капитан с недоумением оглядел строй, а затем решил дать возможность солдатам ответить правильно и повторил еще раз, все так же громко:

– Здорово, братцы!

И вновь слитное «ура» было ему ответом. Лашкевич побелел от гнева. Стараясь держать себя в руках, он повернулся к унтеру Маркову:

– Что это значит? – прошипел он.

Марков одним движением перехватил винтовку и бросил ее на изгиб локтя штыком прямо на офицера, а затем с расстановкой произнес:

– «Ура» – это сигнал к неподчинению вашим приказаниям!

Штабс-капитан вытащил наган из кобуры и заорал:

– Да я тебя под арест! Сгною! Всех сгною!

Однако строй угрожающе зароптал, и винтовки колыхнулись недобро. Видя, что соотношение сил явно не в его пользу, Лашкевич кинулся на выход, угрожающее пообещав:

– Вы мне ответите за бунт! Сейчас я вызову...

Кого он там собрался вызывать, слышно уже не было, но понятно было и так. Строй рассыпался, и солдаты кинулись к окнам.

– И что мы теперь будем делать? – опасливо пробормотал Пажетных, глядя на то, как штабс-капитан спешно пересекает плац, явно направляясь к телефону.

– Что захотим, то и будем делать. Наше теперь время, – сказал Кирпичников и, сплюнув на пол, выстрелил из винтовки в спину своему командиру.

Тот упал, раскинув руки. В казарме повисла гнетущая тишина. Тимофей обвел солдат жестким взглядом и твердо проговорил:

– Теперь, братцы, нет у нас другого пути. Сорок убитых нам не простят революционеры, а убийство офицера нам не простят нынешние власти. Поэтому...

– Смотрите! – закричал кто-то.

Все вновь кинулись к окнам и увидели, как все оставшиеся офицеры бегут мимо лежащего в воротах Лашкевича.

– Они выносят знамя и полковую кассу!

Последние слова сорвали с места взбунтовавшихся солдат, и они толпой поспешили вдогонку за офицерами. Однако за воротами оказалось, что офицеров и след простыл. Более того, как оказалось, те успели сообщить в штаб о мятеже в учебной команде.

Волынцы, шумя и подбадривая друг друга, двинулись по Виленскому переулку в сторону Невского. И вдруг идущие впереди закричали:

– Пулеметы! Пулеметы!

Толпа солдат панически зашумела, и тут вновь роль вождя мятежа досталась Кирпичникову, который влез на какую-то скамейку и заорал что есть мочи:

– Товарищи! Одно спасение для нас – поднять на выступление другие наши роты и соседние полки! Иначе нам всем конец! Вперед, товарищи!

И толпа повалила, растекаясь по округе шумной и всесокрушающей рекой.

Гатчина. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Великокняжеский автомобиль, с этого злополучного утра ставший моим по праву, отъехал от дворца и покатил по улицам Гатчины. Куда теперь? На вокзал, встречать мою «революционную охрану» и сложить лапки? Или куда? Гатчина не Царское Село, городок совсем небольшой, гарнизон маленький, особо в нем и некуда податься – дворец, огромный дворцовый парк, железнодорожная станция, несколько мещанских кварталов, окрестные деревни да казармы 23-й артиллерийской бригады, которая давно на фронте. А вокруг на многие километры лишь заснеженная Россия да направления, именуемые дорогами...

В этот момент что-то с низким клокочущим гулом пронеслось над моим авто. Выглянув в окно, резко приказываю:

– На аэродром!

Шофер ошалело тормозит, Джонсон озадаченно оборачивается, но мне сейчас плевать на их недоумения и на все вокруг меня. Ну не дурак ли я? Размышляя о путях «эвакуации», я думал лишь о наземных вариантах, последовательно отменяя блокированную для меня железную дорогу и варианты выехать на легковом автомобиле этой эпохи по заснеженным местным же дорогам, но совершенно упустил из вида, что в Гатчине есть еще и аэродром. Разумеется, это не то, что в моем понимании является аэродромом, как и местные летательные аппараты с огромной натяжкой можно считать самолетами, но все же!

Джонсон пытается возразить, что с ним случалось крайне редко.

– Но, ваше императорское высочество, нас ждут на станции!

Делаю резкий жест.

– Подождут. На аэродром.

Хорошо быть великим князем – гавкнул, и все заткнулись.

Аэродром встретил нас обычной суетой Гатчинской военно-авиационной школы. Только что приземлившийся огромный «Илья Муромец» уже был взят в оборот техниками и курсантами школы. Из ангара на краю обширного летного поля выкатывали еще одного собрата приземлившегося аэроплана. Ангары поменьше также не простаивали, так что единственным местом, где не видно было ажиотажа, был внушительный эллинг для дирижаблей, но там ремонтно-восстановительные работы шли внутри и не были заметны для находящихся на летном поле. А так все традиционно: ангары, эллинг, причальная мачта, казармы курсантов и obsługi, офицерские домики, здание командования школы, да церковь еще.

– Смирно! Господа офицеры!

Козыряю в ответ и командую:

– Вольно! Делайте свою работу, господа.

Все вернулись к прерванным моим появлением занятиям. А ко мне уже спешил полковник Горшков, начальник местного аэродрома.

- Ваше императорское высочество! На вверенном...
Козыряю.
- Отставить. Вольно, полковник. Как идут летные занятия?
- Пользуемся прояснением погоды, ваше высочество.
- Есть готовая к полету машина?
- Так точно!
- Готовьте ее к полету на максимальное расстояние. Срочный вылет!
- Но, ваше императорское высочество... – Горшков явно растерялся. – Без разрешения генерала Кованько я не имею права изменять расписание полетов!
- Киваю.
- Будет вам разрешение. Готовьте аэроплан к дальнему полету, полковник.
- Опять какие-то препятствия! Сегодня все становится у меня на пути! С решительным оптимизмом на лице иду в сторону здания командования, а оттуда ко мне уже спешит и сам генерал.
- Здравия желаю, ваше императорское высочество!
- Козыряю, а затем жму ему руку.
- Здравствуйте, Александр Матвеевич!
- Счастлив, что вы нашли время посетить нашу школу! Осмелюсь спросить, ваше высочество, вы к нам в гости или по делу?
- По делу.
- В таком случае прошу ко мне в кабинет!
- По пути генерал распорядился подать нам кофе, но я отрицательно покачал головой.
- Не до кофе сейчас, Александр Матвеевич. В другой раз.
- И обернувшись, тихо велю Джонсону:
- Стойте здесь и никого к дверям не подпускайте.
- Тот кивает, и в голове у него сейчас творится черте что. Ну, чем меньше внятной информации он передаст в британское посольство, тем лучше для меня.
- Едва закрылась дверь, как генерал спросил:
- Итак, чем могу быть полезен, ваше высочество?
- Решительно перехожу в атаку, понимая, что в любую минуту меня могут начать искать по всей Гатчине. И если «надежный отряд для охраны» окажется на аэродроме до моего вылета, то не факт, что я вообще куда-либо смогу полететь.
- Александр Матвеевич, мне нужен от вас приказ полковнику Горшкову на самый срочный вылет аэроплана «Илья Муромец» и, соответственно, команда на немедленную его подготовку для дальнего перелета.
- Генерал выжидающе смотрит на меня, но, не дождавшись подробностей, уточняет:
- Дозволено ли мне будет поинтересоваться целью полета и причинами, которые послужили причиной такой спешки?
- Это вопрос государственной важности и безопасности государя императора. Беру на себя всю полноту ответственности, настаивая на таком полете.
- Понятно. – Кованько делает неопределенный жест, могущий означать все что угодно. – Позвольте спросить, что или кого нужно доставить и куда?
- Меня в Ставку, и срочно!
- Собеседник удивленно на меня воззрился, а затем покачал головой.
- Прошу меня простить, ваше императорское высочество, но я не имею права исполнить ваше желание, равно как и вы, ваше высочество, не имеете права этого от меня требовать.
- Вот тебе и раз! Я пару секунд пытался прийти в себя от такой наглости. Да, мой прадед и генерал давние знакомцы, часто бывали друг у друга в гостях, да и жены обменивались визи-

тами, но, да, я не был ему прямым начальством и формально ничего приказывать не мог. И все же, как-то не ожидал я получить такую отповедь моему-то высочеству!

– По какой причине?

Генерал спокойно ответил:

– Причина вам хорошо известна, ваше высочество. Есть высочайшее повеление, которым государь прямо запрещает совершать любые полеты с членами императорской фамилии на борту. Вы наверняка помните скандал, связанный с делом о катании великой княгини на аэроплане.

Твою же мать! Действительно, память прадеда мне услужливо предоставила эту информацию, которую я совершенно упустил из виду в процессе бега. Или побега? И что теперь делать прикажете? Наземные пути ухода закрыты, воздух также, как оказалось, для меня закрыт.

– Александр Матвеевич, можно ли в это поверить? Какие катания? Здесь не увеселительная прогулка! Идет война, в столице беспорядки, в стране заговоры, государь в опасности, а вы толкуете о каких-то совершенно немыслимых вещах!

Но Кованько был непреклонен и сухо ответил:

– Прошу простить, ваше императорское высочество, но высочайшее повеление не отменялось, и никаких исключений или особых условий там не оговорено. Ни один пилот не полетит с великим князем на борту, да и я не позволю это сделать. Безопасность членов императорского дома превыше всего. Вы прекрасно знаете, что даже полевой генерал-инспектор императорского Военно-воздушного флота великий князь Александр Михайлович не сможет подняться в воздух на аэроплане. Так что об этом не может быть и речи при всем моем безмерном уважении к вашему императорскому высочеству. Если дело срочное и действительно государственной важности, то я могу дать разрешение на такой полет, но при условии, что вы сами не полетите.

– Это невозможно. Лететь должен я лично.

– В таком случае, ваше высочество, нет ничего проще. Свяжитесь по телеграфу с государем, и пусть он даст добро на ваш полет. Аэроплан будет немедленно предоставлен в ваше полное распоряжение.

Да уж, прекрасный «компромисс», ничего не скажешь! Совершенно очевидно, что если даже я добьюсь прямой связи с Николаем Вторым, то никакого дозволения от него я не получу. Хотя бы потому, что он решительно не желает меня видеть. А скорее мой запрос на телеграфные переговоры просто попадет к генералу Алексею, и я просто получу формальный отказ от имени императора. Отчаянно начинаю новый штурм, уже не очень надеясь на успех. Но выбора нет – или через «флажки» прыгать, как загнанный волк, или пить кофе и сдаваться охотникам из «охраны Родзянко».

– Генерал, в империи заговор. Это ни для кого давно не является секретом, и для вас тоже. И не знать этого вы не можете. Не перебивайте меня, будьте добры!

Генерал и не перебивал, но мне нужно было избавить его от необходимости делать бессмысленные, но обязательные в таком случае верноподданнические заявления, что он, мол, никогда, и даже всей душой верен, и все такое прочее. Мне сейчас совершенно не до пустого сотрясения воздуха. Мне нужно положительное решение моей проблемы. Даже если мне придется захватить самолет и угнать его в Швецию. Или куда там сейчас террористы угоняют? Да хоть куда!

– Наверняка вам также известно о том, что в этих всех великосветских разговорах мне отводится роль регента империи, в случае если государь отречется от престола в пользу цесаревича. По замыслу, я должен был играть свою роль, чтобы втереться в доверие. Я узнал многое за это время, а сегодня получил совершенно проверенные сведения об истинных планах заговорщиков.

Кованько молча на меня взирал, никак не комментируя мои слова. Я напирал:

– Так вот, не будет никакого отречения. Государя просто убьют сегодня ночью или завтра утром. И цесаревича Алексея убьют в Царском Селе. Будут убиты многие верные престолу сыны Отечества, в том числе и я сам. Вражеские шпионы проникли в высшее руководство империи и в ее Ставку. Военный заговор возглавляет генерал Алексеев, заговор в Петрограде возглавляет Родзянко. Военный министр Беляев и главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Хабалов также участники антимонархического заговора. Наш государь император сегодня ночью отправится в поездку из Ставки в Царское Село. Ночью же или утром его поезд будет блокирован заговорщиками, и государя принудят к отречению. После чего он будет убит. О каких телеграфных переговорах с императором можно говорить, если телеграф в Ставке в руках заговорщика Алексеева? Император фактически остался без связи с внешним миром, и лишь у меня есть шанс к нему прорваться, донести до него истинное положение дел и тем самым дать ему возможность вновь взять в свои руки всю полноту власти в государстве, не покидая Ставки и сохраняя в руках все рычаги управления армией. Только мое личное присутствие в Могилеве даст шанс его величеству и всей России избежать революции и гражданской войны!

Телеграмма военного министра генерала Беляева генералу Алексееву от 27 февраля № 196

Принята: 27.02.1917 в 13 ч. 20 м.

Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие. 196. Беляев.

Гатчина. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Кованько явно колебался. Я бросил быстрый взгляд в окно. Аэроплан явно готовили к взлету. Спешно заливали горючее и масло, снимали лишний груз, включая вооружение, вокруг суетились техники, а полковник Горшков лично проверял готовность всех узлов и систем.

– Решайтесь, генерал! Или вы с государем, или вы с заговорщиками – третьего не дано! Если вы с заговорщиками, то арестуйте меня, потому как я Богом вам клянусь, что я вылечу в Могилев, с вашим разрешением или без оно, даже если мне придется приставить наган к голове пилота!

Старик вздрогнул, и в глазах его сверкнул гнев. Он буквально зашипел мне в лицо:

– Я верен государю и никто, слышите, ваше императорское высочество, никто не смеет сомневаться в этом!

Полковник Горшков повернулся и пошел в нашу сторону. Наступал критический момент.

– Ну же, генерал! Если вы верны присяге государю, то дайте мне спасти его!

Генерал молчал, явно переживая внутреннюю борьбу, а я тем временем прислушивался к звучащим на повышенных тонах голосам в приемной.

– Знаете, ваше императорское высочество, – проговорил Кованько устало, – я старый человек, и потому да простятся мне мои слова. Вы удивили меня...

Генерал помолчал, а затем добавил:

– Я имел честь быть с вами знакомым довольно продолжительное время. Мне казалось, что я вас достаточно хорошо знаю. Но сегодня я увидел совершенно нового великого князя Михаила Александровича. И знаете, вам прежде я никогда бы не позволил лететь, невзирая ни на какие ваши слова и аргументы. Я счел бы это блажью. Уж простите, но за вами прежде водились энергичные, но крайне необдуманные поступки, которые вы нередко совершали даже

вопреки воле государя. Но сейчас... Быть может, вам нынешнему действительно удастся что-то изменить.

Кованько решительно хлопнул ладонью по столу и закончил:

– Что ж, воля ваша, действуйте!

Я протянул ему руку, и мы обменялись твердыми рукопожатиями. Но генерал поспешил вернуть меня на грешную землю.

– Но вам еще нужно убедить полковника Горшкова, без него полет не состоится, да еще нужно найти пилота, который согласится с вами лететь, нарушая высочайшую волю. Моего слова в этом деле недостаточно, увы. Так что пока ничего мы с вами не решили, ваше высочество. И да, пусть уже ваш Джонсон пропустит полковника, а то он может и того...

Что «того», я уточнять не стал и заспешил к дверям. И вовремя! Разъяренный руководитель полетов размахивал маузером, еще несколько человек толпились у него за спиной, а перед ними спиной ко мне стоял Джонсон и держал в руке браунинг.

– Господа, господа, вы чего тут расшумелись?

Быстро кладу руку на плечо Джонсона и мягко отвожу его руку в сторону.

– Спокойнее, господа, спокойнее.

– Да, господа, все в порядке, все свободны. – Кованько поднял руку в умиротворяющем жесте. – Полковник, прошу вас пройти в кабинет.

Злой Горшков проследовал за нами. Да, тут явно накладочка вышла. Злость руководителя полетов мне сейчас совсем некстати!

– Ваше императорское высочество! Предварительно машина к полету готова. Мне необходимо знать расстояние и цель полета, жду постановку задачи и ожидаю разрешения на полет от господина начальника летной школы.

Что ж, новое препятствие и новый штурм.

– Полковник! Цель полета – Могилев, Ставка Верховного Главнокомандующего.

Пилот хмуро посмотрел на меня, а затем на генерала. Тот кивнул, подтверждая. Горшков уточнил задачу:

– Характер груза, пассажиры?

– Груза нет, пассажир один – я сам.

Полковник пораженно воззрился на меня.

– Но...

Я не дал ему продолжить.

– Мы на пороге военного мятежа. Государь окружен заговорщиками и, сам того не зная, направляется в ловушку, где он будет убит. Погибнут также цесаревич, другие члены императорской фамилии и многие истинные патриоты нашего Отечества. От действий государя зависит спасение России, но все линии связи в Ставке в руках генерала Алексева, который возглавляет военный заговор. Лишь я один имею возможность информировать царственного брата, минуя охрану из заговорщиков, дабы сохранить в августейших руках все рычаги управления империей.

Горшков вопросительно посмотрел на генерала. Тот кивнул:

– Да, Георгий Георгиевич, его императорскому высочеству нужно срочно попасть в Ставку для встречи с государем. Дело категорически не терпит отлагательств. Я со своей стороны даю добро на полет. Кто может обеспечить доставку в Могилев на «Илье Муромце»?

Полковник озадаченно хмыкнул.

– Спасти государя императора, конечно, обязанность всякого верного присяге офицера, но... Что ж, если уж цель спасение государя и командир летной школы дает добро на этот полет, то я готов нарушить высочайшее повеление. Здесь нет пилота более опытного, чем я, и я не хочу перекладывать ответственность за свое решение на кого-либо. Но тут другой вопрос – до Могилева шесть сотен верст. Придется садиться во Пскове на дозаправку и осмотр машины.

– О посадке во Пскове не может быть и речи, полковник. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский – один из главных участников военного заговора. Нас просто не выпустят из Пскова, а вероятнее всего, тихо уберут.

– Но других промежуточных аэродромов, где мы можем заправиться, по маршруту просто нет! Да и со стороны Риги идет снежный фронт, можем и не успеть проскочить!

– Тем более, Георгий Георгиевич, тем более! Если даже мы каким-то чудом не попадем во Пскове в лапы заговорщиков, мы рискуем там застрять из-за погоды, вы сами только что об этом сказали! А государь и заговорщики ждать не будут!

Пилот хмуро окинул взглядом карту, которую успел расстелить Кованько. После нескольких минут напряженного молчания Горшков подвел итог:

– Да, похоже, другого варианта нет. Что ж, ваше высочество, это будет не легкая прогулка, а очень, очень рискованная экспедиция! Мы будем выжимать из аэроплана не только все возможное, но и много сверх того! Я не даю никаких гарантий, что мы долетим благополучно. Так что если у вас есть хотя бы один способ избежать этого полета, я вас очень прошу это сделать!

– Нет, полковник, такого способа нет. На карту поставлена судьба императора и всей России.

Горшков лишь пожал плечами.

– Что ж, тогда да поможет нам всем Бог. Я иду готовить машину к взлету и жду вас у аэроплана.

– И еще, полковник. Не говорите никому об истинной цели нашего полета. Для всех мы летим в Москву. И назовите им несколько запасных аэродромов, где мы по пути в Первопрестольную можем приземлиться на дозаправку. Но обязательно оговорите, что мы, если будет возможность, постараемся дотянуть до Москвы без промежуточных посадок. Пусть заговорщики распыляют силы и ищут нас сразу в нескольких местах.

– Понимаю, ваше высочество. Не извольте беспокоиться. Я также прикажу готовить поисковые команды, на случай нашей вынужденной посадки в любом месте между Гатчиной и Москвой.

– Отлично, Георгий Георгиевич! Так и поступим!

Когда пилот вышел, я повернулся к генералу Кованько.

– Спасибо вам, генерал.

– Не благодарите, ваше высочество. Это долг всякого честного офицера.

Прочувственно добавляю:

– Для меня честь быть знакомым с таким человеком, как вы, Александр Матвеевич.

Старик кивает и, усмехнувшись, добавляет:

– Могу лишь пожелать такого же безумного везения в этом полете, как и весь день сегодня!

Мы обменялись понимающими взглядами и крепким рукопожатием. Уже собираясь покинуть кабинет, я вдруг вспомнил о паре дел, которые хотел решить до того, как покину Гатчину и умчусь не пойми куда.

– Да, вот еще что, Александр Матвеевич. Две просьбы от меня.

– Всегда рад служить, ваше высочество.

Я взял со стола лист бумаги и написал несколько строк.

– Отправьте лично или через надежного человека телеграмму в Петроград по этому адресу, следующего содержания.

Генерал пробежал взглядом лист и удивленно посмотрел на меня. Я кивнул.

– Это необходимо отправить. Но так, чтобы об этом никто посторонний не узнал.

– Понимаю, ваше высочество. Прослежу. Что-то еще?

– Подтвердите всем заинтересованным лицам, что мы действительно полетели в Москву.

– Разумеется. Я все понял. Не сомневайтесь, ваше высочество.

Уже выходя из кабинета, я подозвал к себе Джонсона.

– Вот что, Николай Николаевич. Вынужден незамедлительно вылететь в Москву.

Мой секретарь пораженно уставился на меня. Но я продолжил без пояснений:

– Вас с собой не беру, аэроплан избавлен от всего лишнего веса для дальнего перелета.

Посему велю вам, не заезжая во дворец и не ставя никого в известность, отправиться незамедлительно после нашего отлета на вокзал, после чего первым же поездом отправиться вслед за мной. Жду вас в Кремле.

И не слушая никаких вопросов, быстро поднялся на борт «Ильи Муромца». Тем более что страшный рев винтов гарантированно заглушал любые разговоры...

**Императорский телеграф в Ставке Верховного
Главнокомандующего**

Телеграмма № P/39921

152 слова

Подана в Петрограде 27 февраля 1917 г. 12 ч. 40 м.

Получена в Ставке 27 февраля 1917 г. 13 ч. 12 м.

*Д[ействующая] армия, Ставка Верховного Главнокомандующего
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ*

Занятия Государственной думой указом Вашего Величества прерваны до апреля. Точка. Последний оплот порядка устранен. Точка. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. Точка. На войска гарнизона надежды нет. Точка. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Точка. Убивают офицеров. Точка. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и Государственной думе. Точка. Гражданская война началась и разгорается. Точка. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме.

Повелите в отмену Вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Точка. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Точка. Государь, не медлите. Точка. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии – неминуемо. Точка. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Точка. Час, решающий судьбу Вашу и Родины, настал. Точка. Завтра может быть уже поздно.

Председатель Государственной думы Родзянко

Румыния.

Расположение 8-го армейского корпуса.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Генерал мрачно смотрел на доклады и отчеты на его столе. Война на Румынском фронте если и отличалась от положения с обеспечением русских войск в привычной ему Галиции, то только в значительно худшую сторону.

Нет, в теории все было почти прекрасно. Где-то там, в Новороссии, на базе 8-го армейского корпуса почти все было в наличии и даже в некотором достатке. Но проблема заключалась в том, что все это было там, а нужно было все это именно здесь, в Румынии.

Антон Иванович Деникин поморщился при одной мысли о том, что колебавшиеся до последнего румыны, которые все никак не могли решить, на чьей же стороне им вступить в мировую войну и на территории кого из соседей разжечь пошуре свой ненасытный роток, все же вступили в войну на стороне Антанты. Генерал не раз ловил себя на мысли, что лучше бы Румыния так воевала на стороне центральных держав.

Военная катастрофа, которая немедленно разразилась на румынском фронте, привела к оккупации Германией и Австро-Венгрией большей части территории Румынии, а России пришлось срочно снимать войска с других участков фронта и перебрасывать для спасения от полного разгрома своего горе-союзника.

И вот теперь русские войска вынуждены сидеть в Румынии, вдали от своих баз, и в результате этого находятся в ужасающем положении. Полный хаос на румынских дорогах привел к практически полному параличу снабжения армии всем необходимым. Зима 1916–1917 годов стала для русских войск не просто тяжелым испытанием, скорее можно было бы сказать, что русские солдаты были вынуждены буквально выживать на румынском фронте, да и то лишь благодаря просто-таки невероятному напряжению собственных сил и воли.

В горах, на позициях, солдаты неделями жили и воевали в промерзших землянках, перебиваясь сухарями, лишь иногда чудом доставляемыми по козьим тропам. Да и в низинах лошади дохли без фуража, солдаты мерзли, не имея теплого нижнего белья, а часто и шинелей с сапогами. Количество заболевших исчислялось тысячами. Да что там заболевших – из румынских товарных вагонов, совершенно не приспособленных для перевозки людей в зимних условиях, во множестве вынимали окоченевшие трупы русских солдат, уснувших и замерзших насмерть в пути. Трупы эти потом буквально складывали на станциях друг на друга, как штабеля дров.

Такие картины никак не повышали моральный дух армии, а черные слухи преувеличивали беды в десятки раз. Среди нижних чинов нарастало недовольство, да и офицеры начинали роптать. Дисциплину пока поддерживать удавалось, однако решительно невозможно было представить весеннюю кампанию с таким снабжением и обеспечением.

Деникин тяжело вздохнул.

Третий год войны тяжело отражался на боеспособности русской армии. Нет, с обеспечением и снабжением войск дело потихоньку наладилось, и по крайней мере там, в России, уже припасено достаточно снарядов, патронов, обмундирования, и есть надежда, что весенне-летняя кампания пройдет без того надрыва, с каким приходилось воевать в первые два года войны. Но с отходом в прошлое беды с обеспечением армии неумолимо наступала новая беда – катастрофический кадровый голод. Боевые кадровые офицеры гибли, на их место приходили призванные офицеры запаса, спешно заполнялись вакансии в офицерской и унтер-офицерской среде из лиц, имевших малое касательство к войне, не имевших опыта и представления о боевой работе, о необходимости и способах поддерживать дисциплину, о многом другом, без чего даже хорошо вооруженное войско скорее будет напоминать вооруженную, но малоуправляемую толпу.

И если на фронте дисциплину хоть как-то удавалось поддерживать, то о настроениях в тыловых частях разговоры ходили самые нехорошие.

И главное, чего, быть может, и не видели из окопов, но что было хорошо заметно с уровня командующего корпусом – что-то неладное творилось в верхних эшелонах власти в стране. И все чаще звучало страшное слово «измена».

Генерал хмуро отодвинул бумаги. Вот как можно говорить о победе в войне, если на всех уровнях военной и гражданской жизни царит такая неопределенность и ощущение грозных перемен? Причем не просто каких-то абстрактных перемен, а перемен всеобъемлющих, и не было никакой возможности сказать, во что все выльется в итоге.

Деникин вспомнил недавнюю встречу со специально приехавшим к нему генералом Крымовым. Два генерала имели приватную и очень обстоятельную беседу о сложившемся положении на фронтах и в стране в целом. Крымов рассказывал о настроениях в верхах, о явной измене со стороны императрицы, которая передает все секреты и планы немцам, о засилии немцев на многих командных постах в армии, о неспособности государя твердой рукой вести

страну к победе, о необходимости принятия самых решительных мер для оздоровления России.

Заговор в верхах, как оказалось, не просто был, но и перешел уже в практическую плоскость. Крымов поведал собеседнику о нескольких сценариях, среди которых были и насильственное выселение императрицы в Крым под охрану верных заговорщикам частей, и принуждение Николая Второго к передаче полномочий «ответственному министерству» или военному диктатору, на роль которого сватали начальника главного артиллерийского управления генерала Маниковского.

Для недопущения возможности обращения императора к войскам план предусматривал блокирование и арест государя в дороге, вне Могилева, Царского Села или Петрограда. В захваченном заговорщиками поезде у царя будет лишь три варианта – согласиться на все, что от него требуют, или отречься от престола, или же умереть. Физическое устранение государя, которому все они в свое время присягали в верности, считалось не просто возможным, но и, пожалуй, приоритетным.

Важнейшей в этом деле была поддержка заговора со стороны высшего генералитета империи в лице генералов Алексеева, Рузского, Гурко, Брусилова, Теплова, Данилова, адмирала Колчака и других военачальников. Сам же генерал Крымов выступал в качестве связующего звена между заговорщиками в армии и заговорщиками в столице, среди которых были Родзянко, Львов, Некрасов, Гучков, Керенский и другие.

Крымов сообщил Деникину, что смещение Николая Второго – вопрос решенный, и состоится оно не позднее марта, дабы не повлиять на подготовку наступления, намеченного на весну 1917 года. Более того, Деникину было сообщено, что самого Крымова условной телеграммой уже вызвали в Петроград, где он должен оказаться не позднее 1 марта, что означало, что события начнут развиваться буквально в ближайшие дни.

Антон Иванович вздохнул. Несмотря на весь оптимизм Крымова, лично ему было совсем неясно, во что выльется смена царя, установится ли военная диктатура, или полноту власти захватят те же Гучков с Родзянко, и чем это обернется для боеспособности армии.

Ясно было лишь одно – грядут смутные времена, а будущее скрывается то ли в черных облаках грядущей освежающей грозы, то ли в черных облаках пожарищ...

Телеграмма группы из 23 выборных членов Государственного Совета

Вследствие полного расстройств транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы для отчаяния. Это чувство ещё обострилось тою ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу. Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска... Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики, согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить Вам, государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страной в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшая отсрочка и колебания грозят неисчислимыми бедами.

*Вашего императорского величества верноподданные члены
Государственного Совета:*

*барон Меллер-Закомельский, Гримм, Гучков, Юмашев, Савицкий, Вернадский,
Крым, граф Толстой, Васильев, Глебов, Зубашев, Лаптев, Ольденбург,
Дьяконов, Вайнштейн, князь Трубецкой, Шумахер, Стахович, Стахеев,
Комсин, Шмурло, князь Друцкой-Соколинский, Марин.*

Глава III

Странная телеграмма

Петроград. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Родзянко мрачно смотрел на наклеенные на листы бумаги ленты его телеграфной переписки с Гатчиной. Что-то странное было во всей этой истории, и это председателю Государственной думы сильно не нравилось.

Нет, не то чтобы он сильно опасался самого Михаила, но его неожиданный, а главное, необъяснимый поступок с вылетом в Москву весьма озадачил Родзянко. Почему великий князь не поехал в Петроград? Вроде все шло по плану, договоренность была подтверждена по телефону, телеграмма оповещала брата царя о том, что за ним выехал спецпоезд, была даже выслана группа надежных людей для охраны в пути. То есть он, Родзянко, сделал все, чтобы Михаил оказался под его чуткой опекой, и графиня Брасова по телефону подтвердила Родзянко, что ее благоверный супруг отбыл именно в Петроград, а тут вдруг такой казус!

Что он забыл в Москве? То, что великий князь отправился именно в Москву, не вызвало особых сомнений. Очевидцы вылета подтвердили, что аэроплан, взлетев, развернулся и полетел именно в сторону Первопрестольной, да и личный секретарь царского брата также выехал на пассажирском поезде в Москву, и есть свидетели того, как Михаил отдавал Джонсону приказания, назначив место встречи в Кремле. Но... зачем?

Что он будет делать в Москве и в Кремле? Не полетел же он туда только для того, чтобы посмотреть на царские регалии, перевезенные в Кремль с началом войны! Собирается поиграть в свою игру и найти опору в Москве? Крайне сомнительно, не тот он человек, скорее им кто-то будет играть и на него опираться, чем наоборот. Тогда что повлияло на решение Михаила? При порывистом характере великого князя и общем романтизме натуры, в голову ему могло прийти все что угодно.

Главную опасность Родзянко видел в том, что в Москве великий князь попадет под влияние и опеку других групп заговорщиков. Как минимум эмоциональные импровизации царского брата могут внести дополнительный беспорядок в происходящие в России процессы, тем самым значительно усложнив и запутав и без того непростую большую игру.

А дело и так развивалось неожиданно легко, что не могло не настораживать. К удивлению Родзянко, имперская власть вообще не проявляла никакой активности в вопросе восстановления порядка в столице. Еще несколько дней назад максимум, на что в глубине души рассчитывал честолюбивый интриган, так это «умиротворение» в обмен на некоторые уступки со стороны императора в сфере расширения прав Государственной думы и влияния лично Родзянко на события в стране. Главным приобретением он считал согласие монарха на формирование «ответственного министерства», то есть правительства, которое будет назначаться не царем, а депутатами Госдумы и, соответственно, нести ответственность перед парламентом.

Но события в Петрограде стали развиваться слишком быстро, а власть реагировала на них слишком медленно. Правительство вообще самоустранилось от управления государством, военные начальники проявляли пассивность, усугубляющуюся противоречивыми и половинчатыми приказами. Впрочем, здесь сыграло свою роль обилие заговоров, которые осуществлялись одновременно. Только принадлежностью командования Петроградским военным округом и руководства Военного министерства к заговору можно объяснить такую странную и пассивную реакцию военных. Но у военных было свое видение и свой план, у либеральных кругов в Государственной думе были свои прикидки и свои планы, а, как выяснилось, у всякого рода социалистов и прочих Советов рабочих и прочих планы были свои. Точнее, их планы были просты: чем хуже, тем лучше, даешь революционную власть и все остальное малопонятное для приличного и образованного человека. Но именно действия всяких социалистических коми-

тетов, помноженные на пассивность и странные действия власти, и привели к нынешнему разгулу «революционной свободы» на улицах столицы.

Более того, союзники внесли свою лепту в раскачивание ситуации в империи. Франция и США не только вдохновляли революционные изменения в России, но и активно помогали демократическим силам общества деньгами, добрым советом, давлением на царское правительство. Да и Британия не стояла в стороне, хотя и не была республикой. Англии, впрочем, всегда было дело до всего на свете.

Причем Родзянко прекрасно знал о том, что союзники не только помогали либеральной части депутатов Госдумы, но и оказывали поддержку военным, и даже тем же разношерстным социалистам. Причем Франция в поддержке последних особенно отличилась, настаивая на обязательности участия социалистов в формировании нового правительства новой России.

Отдельно свою «помощь» революции оказывали Германия с Австро-Венгрией, и помощь эта была отнюдь не только и не столько моральной.

Не отставали и доморощенные денежные мешки, делавшие хорошие деньги вокруг Земгора и военных заказов как таковых. Эти вообще давали деньги всем, заранее и предусмотрительно раскладывая яйца по разным корзинам.

Дополнительную кутерьму создавали сами члены императорской фамилии и группировки, стоявшие за каждым из великих князей, великих княгинь и даже великих княжон. Вся эта публика отчаянно интриговала, пытаясь именно нужного кандидата продвинуть на вот-вот освобождающийся престол.

И в этой многоголосице заговоров, интриг и взаимного предательства Родзянко собирался половить рыбку в мутной воде, используя брата царя в качестве универсального джокера в этой большой игре. Как бы ни повернулась ситуация, Михаил Александрович может пригодиться и как регент при малолетнем императоре Алексее, и как временный император, и как фиктивный диктатор, от лица которого можно издавать различные непопулярные законы и который мог бы стать временным связующим звеном между новой буржуазной властью и прогнившей аристократией. А когда тот станет ненужным, тогда уж...

Тем, что будет «тогда», Родзянко себе голову даже не забивал. Он был полностью и абсолютно уверен в своем влиянии на великого князя. Михаил Александрович, по мнению председателя Государственной думы, был совершеннейшим теленком, восторженно верящим во всякие пафосные слова и красивые идеи. И тот, кто будет владеть ушами этого человека, и будет управлять всеми его словами и решениями. Но для этого нужно постоянно быть рядом с ним. Особенно в критические моменты, каковым, вне всякого сомнения, является момент нынешний.

И в этом плане непонятный и неожиданный кульбит с вылетом в Москву вместо Петрограда мог нарушить всю игру. Так что меры по розыску и взятию под опеку великого князя Михаила Александровича нужно принять незамедлительно, задействуя верных людей в Москве, Твери и в других местах между двумя столицами, куда может приземлиться аэроплан на дозаправку. И уделить особое внимание происходящему в Москве, ведь сейчас крайне важно определить, куда и к кому полетел Миша.

Гатчина. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Буквально упав в плетеное кресло, я махнул рукой высунувшемуся из кабины полковнику Горшкову, запускай аппарат, мол. За стеклом квадратного иллюминатора были видны «провожающие официальные лица», генерал Кованько приложил ладонь к папахе в уставном воинском приветствии, а затем размашисто нас перекрестил. Последнее, что я видел, был мой секретарь Джонсон, стоявший с ошарашенно-растерянным видом подле генерала.

Аэроплан дернулся и покатил по заснеженному полю. Лыжи сглаживали разбег, и вот мы оторвались от взлетного поля аэродрома. Воздушный аппарат, который, по моему мнению,

вообще не должен был быть допущен к полетам из соображений безопасности, уверенно набирал высоту. Но что значат опыт и стереотипы военного летчика начала третьего тысячелетия в контексте лихой истории развития авиации в начале XX века? Ну и что, что это было в прошлом, через целых девять десятков лет после моих сегодняшних приключений? Тем более что я не пилот самолета, а как раз командир боевого вертолета, а это все ж таки совсем другая специфика.

Удалившись на расстояние, достаточное, чтобы наблюдатель из Гатчины не смог более разглядеть аэроплан, наш «Илья Муромец» накренился в развороте и взял курс на Могилев. Впереди нас ждал путь в шесть сотен километров. И ошибаются те, кто рассуждает о том, что, мол, «Илья Муромец» был первым в мире стратегическим бомбардировщиком и все такое. Для нашей машины шестьсот километров были задачей решительно предельной. Даже пустой, даже максимально облегченный, даже с максимумом возможного запаса горючего и масла, даже всего с тремя членами экипажа и одним пассажиром, наш аэроплан вполне мог и не дотянуть до Могилева, если в дело вмешается погода или случится что-то еще.

А уж с бомбовой нагрузкой «Илья Муромец» мог осуществлять операции лишь в ближней прифронтовой полосе, не удаляясь от своего аэродрома дальше, чем на 150–200 километров. Но и это был весьма сомнительный успех, поскольку российская промышленность была не в состоянии производить эти чудо-аппараты в серийных количествах. За все время было произведено меньше сотни таких аэропланов, причем многие из них были настолько кустарными, что запчасти одной воздушной машины не подходили к другой, и поначалу аэроплан сей даже не имел чертежей, а двигатели у него были исключительно импортными, поскольку отечественная промышленность их вообще не производила. Добавьте к этому тот факт, что коммерческий аэроплан был спешно переделан в бомбардировщик по причине того, что российская армия не имела сколь-нибудь значимого парка дирижаблей, которые в то время рассматривались в качестве основной воздушной силы, и вы сразу ощутите всю эпохальную значимость «Ильи Муромца» в качестве «первого в мире стратегического бомбардировщика». И, кстати, российские дирижабли в ходе Первой мировой совершили целый *один* боевой вылет в самом начале войны.

Впрочем, в моей ситуации это не имело никакого значения. Что мне показатели промышленного производства аэропланов и дирижаблей в контексте предстоящего выстрела из нагана в голову? Мою голову, между прочим. И пока я, отдаваясь от Гатчины, совершенно не отдаляюсь от того рокового для меня выстрела.

Я потер виски. Дикое адреналиновое возбуждение понемногу отпускало, сменяясь некоторым оцепенением и апатией. Неизбежный отходняк после сильного стресса. Да уж, не каждый может похвастаться тем, что провалился в прошлое на девяносто восемь лет, да еще и оказался при этом в чужом теле.

Кто я и что делаю здесь? Увы, даже с таким простым вопросом, как «кто я?», у меня теперь нет однозначного ответа. Нет, я могу достаточно четко ответить, кем я был – майором ВВС Российской Федерации, командиром вертолета Ми-24, после отставки сделавшим карьеру в медийном бизнесе и достигшим в сфере средств массовой информации весьма значительных высот. Но в то же самое время я знаю и помню всю жизнь своего прадеда, великого князя Михаила Александровича, брата царя и формально последнего российского императора. Помню, потому как именно в его теле, непостижимым для меня образом, я оказался сегодняшним утром, «провалившись» сознанием из 2015-го в 1917 год, да еще и в самый разгар революционных потрясений, которые похоронят монархию, и меня заодно. А вопрос «что делаю здесь» вообще не столь уж однозначен, поскольку пока я все больше напоминаю себе лабораторную крысу, которая бежит по лабиринту, подстегиваемая электрическими разрядами, поскольку в каждой конкретной ситуации сегодняшнего утра у меня был только один выход из отчаянного

положения. И все мои действия – и спешный выезд из дворца, и отказ от поездки на вокзал, и эпопея с вылетом, – все это не оставляло мне ни единого шанса поступить как-то иначе.

Вот и сейчас, я лечу в Могилев. Могу ли я полететь в другое место? В теории – да. Ничто мне не мешает сейчас пойти в кабину и дать команду на посадку в другом месте. Но дальше что? Фактически на предельном для аэроплана расстоянии только такие пункты, как Москва, где мне сейчас решительно нечего делать, Могилев, где я могу попробовать поиграть в игры с Николаем Вторым и генералитетом, и... Стокгольм. Но ни малейшей уверенности в том, что полковник Горшков согласится лететь в Швецию, у меня не было. Даже под угрозой оружия он всегда найдет сто тысяч причин, по которым мы будем «вынуждены» сесть на каком-то российском аэродроме или даже просто в чистом поле.

Но скажу больше – почему-то у меня крепла уверенность, что все не просто так, что невидимая сила, направившая меня в эту эпоху, направляет меня и дальше, не давая возможности отклониться от требуемого маршрута. И пока я следую некой «миссии», я буду двигаться дальше. Не знаю, откуда у меня возникло такое ощущение, но уверенность в этом крепла с каждым новым этапом моих приключений. Что в финале? Неизвестно. Но почти наверняка при любом другом исходе меня ждет гибель. Так что...

Но что я могу сделать за несколько часов, если в действие пришли силы воистину тектонического масштаба? Кто я против ее величества Истории?

С другой стороны, сила, которая меня сюда перебросила, очевидно, полагает, что шанс у меня есть. Осталось этот шанс найти и использовать. Разумеется, если некая сила, меня направляющая, вообще существует, а не случился какой-то необъяснимый, но абсолютно случайный феномен.

Но хоть так, хоть эдак, но я лечу в Могилев и за оставшееся время полета должен найти выход из сложившейся безвыходной ситуации.

Петроград. 27 февраля (12 марта) 1917 года

– Саша, тебе телеграмму принесли.

Александр Павлович озадаченно посмотрел на сестру, которая протягивала ему бланк. Развернув его, он с удивлением прочитал следующее:

Доктору Кутепову Александру Павловичу.

Дорогой коллега!

По проверенным данным, в Петрограде начинается эпидемия красной чумы. Первый очаг эпидемии отмечен в Таврическом саду и его окрестностях. Симптомы – возбужденность, жар, зуд, лихорадка, агрессивность, склонность к разрушению. Отмечены случаи безумия и массового помешательства. Болезнь очень заразна и передается в местах большого скопления людей – на рынках, в очередях, в толпах, на демонстрациях. Повышенная смертность среди зараженных.

Я знаю, что сегодня Вам предложат возглавить сводный карантинный отряд из трех бригад с одним карантинным аппаратом – соглашайтесь. Позже Вам поступят еще двадцать четыре карантинных аппарата – заклинаю Вас, перед тем как отдавать половину, убедитесь в том, что Ваша половина нормально работает.

Не спешите слепо выполнять распоряжения главного врача Петрограда – к вечеру эпидемия оставит столицу без всякого управления. Вся надежда на Вашу сообразительность, твердость и верность клятве.

Действуйте решительно. Мобилизуйте здоровых врачей и санитаров. Отстраняйте растерявшихся, малодушных и имеющих симптомы

заражения красной чумой. Назначайте здоровых и решительных. Принимайте под свое начало другие карантинные отряды.

С целью препятствования распространению красной чумы удаляйте людей с улиц и площадей и призовите всех переждать эпидемию дома или в местах постоянного пребывания.

Для обеспечения карантина обязательно возьмите под контроль Министерство путей сообщения, Николаевский и Царскосельский вокзалы для приема следующих к Вам на помощь карантинных бригад из провинции и зоны фронта. Вам необходимо обеспечить карантин в Петрограде в первые два-три дня эпидемии.

Надеюсь и верю в Вас. В Ваших руках жизни и судьбы миллионов людей. Да поможет вам Бог!

Искренне уважающий Вас доктор Романов Михаил Александрович, профессор медицины, г.-а., в. кн.

Полковник Кутепов читал текст телеграммы и не верил своим глазам. Здесь явно произошла какая-то нелепая ошибка. Вероятно, телеграмма была адресована другому человеку и в результате царящей в городе суматохе была ошибочно доставлена ему. А иначе как трактовать написанное? Какая-то эпидемия, карантин и прочее...

– Саша, звонил поручик Макшеев, просит тебя срочно прибыть на Миллионную. У них там что-то случилось...

Не став далее ломать себе голову над странной телеграммой, Кутепов автоматически сунул ее в карман и, поблагодарив сестру, начал спешно одеваться.

Проезжая в извозчике по улицам Петрограда, полковник отметил, что ближе к центру относительный порядок еще соблюдается, городские на своих местах, однако в воздухе уже чувствуется весьма сильное напряжение. Хотя на Дворцовом мосту, у здания Адмиралтейства и у Зимнего дворца все выглядело как обычно.

Подъехав к зданию собрания, Кутепов увидел ожидающего его поручика Макшеева, который, едва завидев полковника, буквально бросился навстречу.

– Ваше высокоблагородие! В казармах гвардейской Конной артиллерии взбунтовалась часть лейб-гвардии Волынского запасного полка и его учебная команда. Толпа взбунтовавшихся волынцев ворвалась в казармы нашей нестроевой роты и заставила часть из них присоединиться к мятежу. Оказавшийся на месте заведующий полковой шквальней полковник Богданов пытался выгнать волынцев из наших казарм, но был немедля заколот штыком.

– Кем заколот?

– Волынцами.

Кутепов кивнул.

– Продолжайте, поручик.

– Ну, я и бросился звонить вам...

Полковник еще раз кивнул и спросил:

– А где находится сам командир запасного полка полковник князь Аргутинский-Долгоруков?

– Его высокоблагородие вызван к командующему и в настоящий момент отсутствует в расположении полка.

– А остальные офицеры?

– Вон там, – Макшеев указал в глубину здания. – Совещаются.

– Совещаются? – Кутепов хмыкнул.

Действительно, группа офицеров стояла кружком и возбужденно что-то обсуждала. Подошедший полковник поинтересовался у стоявшего среди них штабс-капитана Элиота-старшего:

– Почему вы здесь, господа?

Тот как-то смущенно помялся, но все же ответил:

– Да вот, господин полковник, решаем, как нам быть дальше...

Кутепов кивнул.

– Похвально-похвально. Но позвольте спросить, почему вы здесь, а не со своими ротами? Что подвигло вас бросить своих солдат в столь сложный момент?

Офицеры озадаченно переглянулись, а все тот же Элиот-старший ответил растерянно:

– Так, господин полковник, там же полковника Богданова уже закололи, и мы подумали...

– Напрасно, господа, напрасно. Извольте немедленно прекратить всякие дискуссии о текущем моменте и вернуться к исполнению своих обязанностей. Только ваше присутствие среди подчиненных вам солдат, ваша решительность и твердость смогут сохранить хотя бы остатки дисциплины и удержат их от измены присяге и воинскому долгу. Выполняйте, господа офицеры.

К Кутепову вновь подбежал поручик Макшеев.

– Ваше высокоблагородие! Там за вами прибыл автомобиль из градоначальства! Вас немедленно требует к себе командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов!

Полковник хмуро поглядел на стоящий автомобиль и, кивнув Макшееву, отправился в сторону машины.

Где-то в небе между Гатчиной и Могилевом.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Четыре винта «Ильи Муромца» молотили воздух. Летим уж часа два. Курить хотелось невероятно. Удружил мне прадед с этой вредной привычкой. Хорошо хоть, грохот двигателей и отсутствие компании избавляли меня от необходимости вести беседы, играть роль великого князя или как-то иначе отвлекаться от главного.

Итак, я – Романов Михаил Александрович, тридцати восьми лет от роду, беспартийный, не имел и не состоял, не женат, детей не имею, майор ВВС в запасе, руководитель московского медиа-холдинга, ясным днем 2015 года, во время экскурсии по Гатчинскому дворцу имел неосторожность забрести в знаменитый грот Эхо, и там, непостижимым для меня образом, мое сознание перенеслось в год 1917 от Рождества Христова, в раннее утро 27 февраля. И пришел в себя я уже находясь в этом теле – теле своего прадеда, великого князя Михаила Александровича, также, разумеется, Романова, в коем теле я и пребываю вот уже несколько часов, спасаясь от predetermined трагической судьбы, уготованной мне Февральской революцией, происходящей в эти часы в Петрограде.

Из хорошего (если в такой ситуации вообще может быть что-то хорошее) – в моем распоряжении вся память прадеда, и сохранилась вся память из моей прошлой жизни в будущем. Пока моя персона здесь ни у кого не вызывает сомнений, и все, включая моих теперь жену и сына, воспринимают меня именно как великого князя Михаила Александровича.

В данную минуту у меня есть активы – титул великого князя и члена императорской фамилии. У меня есть несколько козырей – я в этом времени родной брат Николая Второго и второй человек в очереди на престол, после малолетнего и больного цесаревича Алексея. Эти активы и козыри делают меня достаточно значимым человеком в местной тусовке. И, кстати, очень и очень состоятельным человеком, одним из самых богатых людей Российской империи. Но богатство мне сейчас ничем не поможет, поэтому выведем его пока за скобки рассуждения.

Есть небольшой дополнительный бонус – даже в условиях заговора против Николая Второго моя тушка может представлять для тех или иных групп заговорщиков определенный интерес, хотя бы в качестве временной марионетки на троне или рядом с ним. А это дает мне некоторую возможность маневра в ближайшие день-два. Правда, нужно учитывать и обратный эффект – для других групп заговорщиков я неприемлем, а часто и просто опасен, в том случае,

если они собираются посадить на престол другого кандидата или стремятся ликвидировать монархию как таковую.

У меня есть пассив – все мои активы обнулятся либо этой ночью, либо максимум в ближайшие два-три дня. После этого актив становится токсичным и смертельно опасным для меня. Собственно, если в ближайшие часы я не найду выход из ситуации, то с момента отбытия императора из Ставки моя свобода маневра, а скорее всего, и свобода передвижения будут сведены практически к нулю.

Дополнительным минусом здесь является мой отрицательный имидж среди серьезных людей. Мажор, любитель лошадей, автомобилей и прекрасного пола, герой сплетен и скандалов, но легко поддающийся чужому влиянию и несамостоятельный персонаж. К тому же еще и скандальная женитьба на дважды разведенке, отбитие супруги у своего подчиненного, да еще и вопреки приказу императора, все это делало мои перспективы замутить свою игру малореальными. Возможно, постепенно, за несколько лет я бы и сколотил свою группировку, но за несколько часов этого никак не сделать.

То есть активы определенные имеются, но разыграть их я могу только в промежуток времени между прибытием в Могилев и моментом отъезда Николая Второго в свою последнюю поездку в качестве императора. Но кто меня будет вообще слушать?

Тут в салон заглянул полковник Горшков:

– Ваше императорское высочество! Кофе горячего не желаете?

Он протянул мне термос.

– Благодарю, полковник! А курить здесь можно?

Он посмотрел на меня с опаской и отрицательно помахал рукой:

– Нет! Ни в коем случае!

И указал на двигатели и баки на крыльях.

– Сгорим!

Киваю, что ж спорить с очевидным. Хоть принц, хоть нищий, а курить на аэропланах, тем более дирижаблях этого времени, запрещалось категорически.

Еще раз с некоторой опаской взглянув на меня, он исчез в кабине.

Отвинтив крышку термоса, я налил себе немного горячего кофе. Ну, не бог весть что, но по крайней мере горячий.

Какой я, однако, привередливый стал! Кофе ему не такой! Скажи спасибо, что салон «Ильи Муромца» отапливается, в большинстве аэропланов этого времени отопление и электрическое освещение было немыслимой роскошью. А за бортом, между прочим, минус двадцать пять по Цельсию. Так что сиди и не умничай, дорогой великий князь. Может, в качестве стратегического бомбардировщика этот аэроплан звезд с неба не хватал, но как гражданская машина он был весьма и весьма комфортен.

Так, хорош отвлекаться, думай.

Итак, возвращаясь к нашим баранам, по факту что-то сделать я могу, только пока я при статусе и только сегодня до конца дня. На кого я могу опереться? Реально – только на Николая Второго, поскольку без него я меньше чем никто. А это значит, что у меня будет лишь один шанс – убедить императора Всероссийского сделать что-то, что позволит избежать катастрофы. Возможно ли это? Что касается «убедить» – не знаю. Но выхода нет, и я должен попытаться, хотя пока не представляю как. Что же касается «избежать катастрофы», то тут все гораздо сложнее, чем в случае с «убедить», поскольку ситуация зашла достаточно далеко. И дело не только в том, что по улицам Петрограда сейчас слоняются всякие демонстранты вперемешку, оставившими свои казармы нижними чинами запасных и учебных полков, а в том, что Николай Второй практически упустил из своих рук все рычаги власти и контроля. Фактически ему уже не подчиняется армия в лице высшего командования, практически открыто заявили о мятеже многие члены Государственной думы во главе с Родзянко и часть членов Государственного

Совета. Добавим к этому испуганно-парализованное правительство князя Голицына и влияние деятелей Земгора в регионах – и мы получим весьма печальную для царя картину. И нужно отдавать себе отчет, что власть из рук Николая выпустил не только что, а с успехом этим занимался все двадцать с лишком лет своего царствования. Да, монархия еще не рухнула, но вот так, вдруг, ситуацию разрулить мне будет совсем непросто, даже если речь идет о спасении моей собственной жизни.

Кому-то может показаться странным, а может, и возмутительным, что в моих рассуждениях отсутствуют высокие материи и прочие идеалы, будь то спасение России, спасение монархии, спасение (прости господи) демократии, или еще какая-нибудь возвышенная хрень, типа построения государства всеобщего счастья, да еще и такого, чтобы никто не смог убежать не осчастливленным. Во-первых, когда за вами идет охота, как-то не до высоких материй, а во-вторых, я, откровенно говоря, не испытываю ни малейших теплых чувств ни к русской аристократии, ни к императорской фамилии, ни ко всякого рода деятелям «русского парламентаризма», ни к генералитету этой эпохи, ни к купцам, ни ко всякого рода «просвещенной публике» и прочей интеллигенции, равно как ко всяким революционерам и прочим борцам за народное счастье. Любую иронию и брезгливость у меня вызывают в равной степени и любители хруста французской булки, и апологеты строительства коммунизма, а равно и поборники либеральной демократии, как и прочих извращений. А за что мне их любить? Я слишком хорошо знаю всю эту публику, я много лет служил в армии, да и в бизнесе топ-руководитель столичного информационного холдинга не может не иметь дел с этими деятелями, повидал их и при Советской власти, и при демократах, равно как могу, опираясь на память прадеда, сказать, что повидал таких персонажей и в царской России. А уж за то, что все вместе довели страну до Гражданской войны, погрузили в бесконечные эксперименты, угробили столько народу и в итоге развалили державу, которую собирали столетиями – вот за это я бы всю эту публику, моих теперешних современников, вырывающих друг у друга сейчас власть, развесил бы на фонарных столбах. Рядочком так, друг за дружкой, без различия в масти и происхождении.

И то, что я сам оказался в теле великого князя, члена императорской фамилии и родного брата Николая Второго, никак не меняет моего отношения к ним. Разве что это дает мне некий шанс на спасение. И если в процессе этого спасения мне удастся спасти еще кого-то, то я только «за». Но что я могу сделать, когда в Петрограде уже революция полным ходом, а сам царь вот-вот лишится своего трона?

Можно ли в такой ситуации не допустить падения монархии и удержать Николая Второго на троне? Ну, в теории все можно, если есть понимание момента и решительность действовать жестко. Ситуация еще не настолько вышла из-под контроля. Вернее, не так. Как раз из-под контроля Николая ситуация вышла, но ее под свой контроль пока не взяла ни одна сила и пока все застыло в зыбком равновесии. Маятник истории может качнуться в любую сторону. Нет, я не питал ни малейших иллюзий относительно того, что жить в прежнем режиме Россия уже не сможет. Уверен, что, если все оставить как есть, то даже сумею я сейчас совершить чудо и разрулить проблему, революция случится неизбежно. Возможно, ее удастся отсрочить на полгода-год, а может, на считанные недели. Но и этот срок для меня сейчас подарок небес! Если мне удастся качнуть тот самый маятник истории в нужную мне сторону, я уж постараюсь сделать все, чтобы он двигался в нужном направлении!

Хорошо, допустим. Добрался я до Николая и... убедил его в чем-то. Дальнейшие действия? Что бы я делал на его месте для того, чтобы перехватить контроль, ослабить заговорщиков и сбить революционную волну?

Для начала, я бы не уезжал из Ставки и, опираясь на конвой Е. И. В., на роту Собственного Е. И. В. сводного пехотного полка и на Георгиевский батальон, взял бы под контроль саму Ставку и город Могилев. Арестовал бы заговорщиков во главе с генералом Алексеевым

и официально назначил бы великого князя Николая Николаевича – младшего на пост Верховного Главнокомандующего действующей армии. Он личность в войсках популярная, особенно среди высшего генералитета, и его назначение успокоило бы многих. Сменил бы военного министра на кого-то из надежных монархистов, а также сменил бы военное руководство в Петрограде и Москве, поставив на эти должности решительных людей, типа полковника Кутепова. И верными войсками взял бы «под охрану» Таврический дворец, самого Родзянко со товарищи, вокзалы, телеграф, телефон и все, что завещал дедушка Ленин в подобной ситуации. И, разумеется, назначил бы решительного премьер-министра. Да, войска в Петрограде ненадежны, но большая часть из них колеблется и заняла выжидательную позицию, пытаясь определить, на чью сторону качнется чаша весов. И тут решительность власти и лично императора вполне может подтолкнуть колеблющихся в нужную сторону. И пока назначенный, но не принявший еще дела новый главком Северного фронта генерал Рузского, его начальника штаба генерала Данилова, произвел бы другие кадровые перестановки...

В общем, к моменту приезда Николая Николаевича в Могилев армия была бы уже полностью под моим командованием, а столицы – под моим контролем. И все это параллельно с горячими заявлениями о раскрытии германского заговора, об изменниках и... о реформах, о созыве крестьянского съезда для обсуждения земельного закона, о созыве какой-нибудь комиссии по обсуждению конституции и еще чего-нибудь такого, что любит публика. Много шума и много решительных действий вполне могут спасти «отца русской демократии и особу, приближенную к императору», то есть меня любимого. Ну, и Россию заодно. Вопрос лишь в том, как это все вложить в голову этого самого императора?

Петроград. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Встретивший Кутепова у входа в здание градоначальства жандармский ротмистр сообщил, что Хабалов приказал провести полковника без задержки прямо к нему.

В довольно большой комнате находились сам генерал Хабалов, градоначальник Петрограда генерал Балк, начальник штаба Петроградского военного округа генерал Тяжелников, помощник генерала Чебыкина полковник Павленков и еще два неизвестных Кутепову жандармских штаб-офицера. На их лицах читались тоска и растерянность.

Хабалов сразу же бросился ему навстречу.

– Вы – полковник Кутепов?

Александр Павлович с некоторым удивлением посмотрел на командующего округом и представился:

– Лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов, нахожусь в Петрограде по случаю отпуска с фронта.

– Прекрасно, полковник! – Хабалов пожал ему руку и сразу огорошил: – Я назначаю вас начальником карательного отряда!

Кутепов с изумлением увидел, что у генерала дрожит нижняя челюсть, а глаза бегают, словно он боится на что-то решиться.

– Я готов выполнить любое приказание. Но позвольте, ваше превосходительство, моего Преображенского полка в городе нет, я нахожусь здесь в отпуске и не имею никакого касательства к запасному полку. Думаю, что правильным было бы назначить кого-то из тех, кто более известен в Петроградском гарнизоне и пользуется там непререкаемым авторитетом.

Хабалов решительно махнул рукой и заявил:

– Оставьте всякие отговорки! Все отпуски в столице подчиняются мне, а я назначаю вас начальником карательного отряда!

Кутепов вынужден был кивнуть.

– Слушаю, ваше превосходительство. Прошу указать мне задачу и дать соответствующий отряд.

С явным облегчением генерал Хабалов отдал распоряжение:

– Приказываю вам оцепить район от Николаевского вокзала и до Литейного проспекта и все, что будет в этом районе, выгнать к Неве и там привести в порядок.

Подивившись столь расплывчатому приказу, Кутепов попробовал возразить:

– Ваше превосходительство, я, конечно, исполню приказ, даже если мне придется в эти толпы стрелять, но для того, чтобы оцепить указанный район, необходимо иметь под началом не менее бригады. Какие силы передаются под мое командование?

Хабалов раздраженно оглянулся на присутствующих и, не найдя никакой поддержки, ответил:

– Бригады у меня нет. Берите что есть. Возьмите ту роту лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка с одним пулеметом, которая стоит напротив градоначальства и идите с ней вдоль Невского проспекта. У Гостиного двора возьмите роту лейб-гвардии Преображенского запасного полка, а в Пассаже еще одну роту того же полка. Пройдя дальше по Невскому, вы увидите идущую вам навстречу пулеметную роту в двадцать четыре пулемета. Половину из них забирайте себе, а оставшиеся двенадцать отправьте нам сюда.

Какое-то смутное воспоминание шевельнулось в сознании полковника, но Кутепов не считал возможным обдумывать что-либо постороннее в этот момент. Вместо этого он задал вопрос, который его весьма занимал:

– Ваше превосходительство, простите, а будет ли эта пулеметная рота стрелять, вдруг что?

Хабалов быстро закивал.

– Я уверен, что это хорошая и полностью подготовленная часть.

Видя, что Кутепов все еще с сомнением на него смотрит, генерал поспешил добавить:

– Вы не волнуйтесь! Мы вам сразу же пришлем в помощь все, что только будет возможно! Я сейчас же отдам распоряжение роте лейб-гвардии Егерского запасного полка двигаться вам навстречу и поступить в ваше распоряжение!

И совсем уж с некоторой истерикой в голосе напутствовал:

– Идите, полковник! Отечество надеется на вас!

Кутепов мрачно оглядел присутствующих, их растерянные лица, дергающуюся челюсть и дрожащие руки генерала Хабалова и, козырнув, вышел из кабинета.

Уже идя по коридорам, он мрачно смотрел на суетящихся офицеров и видел в их глазах все те же чувства ужаса и растерянности, которые только что видел в глазах присутствующих в кабинете у генерала Хабалова.

Город был обречен...

Где-то между Гатчиной и Могилевом.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Хотя кого я обманываю? Сам себя? Я могу сколь угодно долго витать в облаках, причем в данном случае в буквальном смысле, планируя действия и замышляя необходимые России реформы, призванные разрядить ситуацию, обеспечить возможность преодоления кризиса, не утопив при этом страну в крови и не дав ее на растерзание ни денежным мешкам, ни большевикам, но главным препятствием этому будут не всякие там заговорщики и иностранные заправилы, а как раз сам государь император Всероссийский Николай Второй.

Проблема как раз и заключалась в том, что Николай Александрович Романов не даст провести никаких таких реформ, и не станет откладывать поездку на встречу со своими большими детьми в Царское Село, и, конечно же, предпочтет не принимать вообще никаких решений, по обыкновению рассчитывая, что как-то все рассосется и образуется само собой. Ну, а если не образуется, то он готов «жертвенно принять приговор судьбы дабы жертвою своею

искупить» и прочая, прочая, прочая хрень, столь уместная в театральной трагедии, но столь же губительная в реальном государственном управлении огромной империей.

Таким образом, что делать, чтобы как-то разгрузить ситуацию, я себе хотя бы примерно представлял, но вот как убедить императора Всероссийского – увы, пока нет.

А внизу проплывал февраль 1917 года. Заснеженные поля чередовались с черными массивами лесов. Иногда это чередование разбавляли русла покрытых льдом рек или проплешины деревень. Попадались и города. Хотя по меркам двадцать первого века такие населенные пункты тянули скорее на гордое наименование «поселок городского типа». Застроенные в основном малоэтажными домами и тем, что в советские времена именовалось «частным сектором» – множеством небольших, как правило, деревянных строений. Только вот церквей было значительно больше. И жили там внизу подданные его императорского величества, к которому я лечу сейчас, и подавляющее большинство из них вообще не в курсе дела, что в стране революционная ситуация и жить дальше так нельзя. Жили себе, занимались повседневными делами, уходили на отхожие промыслы, готовились к началу крестьянского сезона. Всяк был занят своими делами, и лишь мальчишки иногда бежали вслед нашему аэроплану, что-то, видимо, крича нам вслед...

Впрочем, я без особого интереса обзирал пейзажи внизу. Через несколько часов наш аэроплан, даст бог, совершит мягкую посадку на военном аэродроме города Могилева, откуда мне будет одна дорога – в Ставку Верховного Главнокомандующего.

Не могу сказать, что я не ожидал трудностей по прибытии. Разумеется, заговорщиков во главе с генералом Алексеевым не может не насторожить мое внезапное явление. Причем внезапное в буквальном смысле, поскольку о предстоящем прибытии «Ильи Муромца» из Гатчины, да еще и с братом царя на борту, никто аэродромные службы и, соответственно, Ставку не уведомлял. Благо в этом времени еще не такое насыщенное воздушное движение и риск столкновения с другим летательным аппаратом в воздухе минимален, ПВО или барражирующих над Могилевом истребителей прикрытия, имеющих приказ сбивать всякого, кто не передаст сигнал «свой-чужой», здесь также особо не ожидалось. Правда, был некоторый риск, что если мы будем садиться затемно или видимость испортится, то могут быть «неожиданности» непосредственно на летном поле. Но Горшков меня постарался успокоить, кажется, его эта проблема волновала меньше всего. И я его понимал.

Нарушив высочайшее повеление, он поставил под удар себя. Нет, особых кар я не ожидал для него, ну, по крайней мере, за это самоуправство. В конце концов, «царский кровавый режим» не являлся ни «кровавым», ни «режимом». Да и пилотов, особенно пилотов опытных, в России катастрофически не хватало, а на третий год войны роль авиации таки начала доходить и до самых упоротых генералов. Тем более не хватало таких героев войны, каким и был полковник Горшков. Да и я надеялся его прикрыть от возможного гнева «брата Коли». Так что на данный момент это мне не представлялось главной проблемой.

Собственно, проблем было несколько.

Первая – долететь. Задача была нетривиальная и реально на самом пределе возможностей этого летательного аппарата. Малейшие проблемы в полете, будь то технические или погодные, вполне могли заставить нас искать аэродром или хотя бы ровную площадку для посадки. Нужно ли говорить, что при таком раскладе я вряд ли успею попасть к Николаю Второму до его отъезда, и в этом случае у меня был небогатый выбор дальнейших действий.

Вторая проблема – вовремя попасть на встречу к императору, пока тот не уехал. Тут тоже могут возникнуть сложности, заговорщики могут постараться оградить государя-батюшку от моего непрошеного визита. А если к этому добавить обычную для Николая фигню, когда он не желал слушать то, чего слышать не желал, то, чаще всего, нежелательные просители аудиенций ее просто не получали. А тут еще могло сыграть свою роль и мое самоуправство с нарушением высочайшего повеления. Впрочем, мне, в смысле прадеду, царские повеления нарушать не

впервой, так что есть надежда, что и в этот раз «брат Коля» погневается и перестанет. Другое дело, чтобы в порыве своего гнева он не отказал мне в аудиенции. Ну, тут уж придется решать на месте, буду как-то прорываться.

И, самое главное, убедить Николая. Но как?

Глава IV

Истории бунтующего Петрограда

Петроград. Васильевский остров.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Полковник Ходнев грел закованные руки о чашку с горячим чаем, которым его снабдили милые барышни-продавщицы магазина «Блигкенъ и Робинсонъ». Несмотря на холод и события на улицах, внутри магазина было довольно весело, и смешливые продавщицы обеспечили полковника, в довершение к столь желанному им чаю, еще и конфетами с печеньем.

Однако долго наслаждаться теплом и покоем Ходневу не удалось. Вслед за звякнувшим колокольчиком в магазин зашли прапорщик Басин и помощник пристава. Козырнув, прапорщик доложил:

– Все в порядке, ваше высокоблагородие. Люди расположены в сарае дома на набережной. Там же расположились казаки 1-го Донского полка. Мост охраняется нашим постом и цепью чинов полиции.

– Благодарю вас, прапорщик. – Ходнев кивнул на чайник с чаем и вазочки со сладостями: – Присоединяйтесь, господа. Я думаю, что милые барышни организуют пару чашек для вас.

Но едва лишь пришедшие расположились и сделали по глотку чая, как в магазин вбежал околоточный и доложил, что от Большого проспекта, по 6-й линии, к охраняемому ими Николаевскому мосту движется толпа в несколько тысяч человек с красными флагами и плакатами с революционными надписями, настроенная очень вызывающе, желающая непременно прорваться с Васильевского острова на ту сторону Невы в центр города.

– Идемте, господа. Чай откладывается. – Ходнев встал и, благодарно кивнув милым барышням, направился к выходу.

На углу Николаевской набережной и Шестой линии несколько человек в форме тревожно наблюдали за приближающейся гомонящей толпой. Ходнев дал распоряжение казачьему подхорунжему:

– Приказываю силами взвода казаков двинуться по Шестой навстречу толпе и, продемонстрировав решимость, рассеять толпу мощным натиском.

И, видя, как подхорунжий колеблется, резко добавил:

– Выполняйте!

Подхорунжий зло зыркнул на полковника и пошел в сторону сарая, где расположились казаки. Ходнев задумчиво смерил уходящего казака взглядом и, повернувшись к Басину, распорядился:

– Вот что, прапорщик, выводите полуроту на мост, и если что-то пойдет не так, ваша задача – надежно загородить проход на мост. Надежно, вы меня поняли?

– Так точно, ваше высокоблагородие, не извольте сомневаться!

Пока полурота запасного батальона лейб-гвардии Финляндского полка занимала свои места на мосту, казаки уже уселись на лошадей и, по команде подхорунжего, двинулась навстречу приближающейся толпе.

Полковник, стоя на углу, наблюдал за происходящим. Видя, что казаки отнюдь не спешат набирать ход, он крикнул подхорунжему:

– Почему вы медлите? Выполняйте приказ!

Тот даже не обернулся, а казаки лишь немного ускорили свое движение по улице. Расстояние между казаками и демонстрантами неумолимо сокращалось, однако полковник не видел даже признаков того, что казачий взвод готовится к решительной атаке.

Но вот подхорунжий что-то крикнул, и Ходневу в первое мгновение показалось, что тот отдает приказ к атаке, однако, судя по восторженным крикам приближающейся толпы, этот вывод был не совсем верен. Через считанные секунды полковник с изумлением наблюдал за тем, как казаки вливаются в толпу, как их там встречают радостными криками и похлопываниями.

Поняв все, Ходнев, сопровождаемый приданным ему охранением, побежал в сторону Николаевского моста, где прапорщик Басин спешно готовил мост к обороне.

Петроград. Васильевский остров.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Улица наполнялась веселым гомоном. Тысячеголовая людская масса наполняла морозный воздух возгласами, выкриками, перекрикиваниями, веселым матом и злыми переругиваниями. Кто-то кого-то искал, кому-то что-то было нужно, где-то куда-то что-то несли. Кто-то был одет в праздничное, кто-то в повседневное, а кого-то события выдернули прямо с рабочего места. Толпа шумела, толпа двигалась, толпа несла флаги.

Революция. Именно это слово было на устах многих. Хотя еще несколько дней назад ни о какой революции и речи не было. Тогда все сводилось к требованиям хлеба, хлеба и еще раз хлеба. Перебои с продуктами в столице заставили тысячи и тысячи людей стоять на морозе многие часы в бесконечных очередях в ожидании подвоза. Но хлеба не было. Лавки закрывались, приказчики беспомощно разводили руками, очереди шумели. Несколько лавок были взяты штурмом и разграблены. Хлеба в них действительно не было, но, как говорится, раз уж зашли...

Ситуация с хлебом в Петрограде и так была сложной, но в последние дни хлеб практически исчез с прилавков. Власти успокаивали горожан сообщениями, что хлеба в столице достаточно, что перебои с подвозом возникли из-за заносов, но что пути уже расчистили и вот-вот хлеб начнет поступать на склады и лавки, и что нет никаких причин для волнений, мол, хлеба в Петрограде еще на две недели есть, а там уж его и привезут.

Но все эти заверения лишь подогревали страсти. По городу ползли самые нехорошие слухи, самым оптимистическим из которых был слух о том, что в столице хлеба осталось на три дня. Одни говорили о том, что нужно срочно запастись любым хлебом и что вскоре и сухари будут за счастье. Другие убеждали, что хлеба в Петрограде полно, но лавочники и прочие спекулянты провоцируют голод для того, чтобы взвинтить цены до неба и нажиться на дефиците. Третьи заверяли, что власть города заодно со спекулянтами, а царь далеко в Могилеве и не знает о происходящем. Четвертые винули во всем царицу-немку и немцев вообще, которые уже открыли фронт, и на Петроград, мол, уже движутся немецкие войска, а простой народ морят специально, чтобы не сопротивлялись немцам во время предстоящей оккупации города. Пятые спорили, что во всем виноват сам царь. Шестые... Седьмые... Восьмые... Двадцать шестые...

Слухи... Слухи... Слухи...

Хлеба... Хлеба... Хлеба...

И вот, в столице начались волнения. Кто-то надеялся, что власти обратят внимание на демонстрации и забастовки, вмешаются, наконец, в ситуацию с хлебом. Кому-то уже не было мочи терпеть голодные глаза своих детей, и, выходя на демонстрации, они в отчаянии искали возможность как-то раздобыть припрятанный спекулянтами хлеб, может в закрытых лавках, а может, и на складах. А где-то к требованиям хлеба уже добавились требования сокращения рабочего дня, повышения зарплат, уменьшения или отмены штрафов на предприятиях. И, конечно же, было немало и тех, кто вышел на демонстрации просто из-за самой возможности побузить и погорланить, возможности погулять на славу без особого риска наказания, да и возможности покрасоваться, явив честному народу всю свою дурь молодецкую.

И все время среди очередей и демонстрантов сновали шептуны, нагоняющие страх все новыми и новыми слухами, сновали провокаторы, сновали ораторы, которые зажигали сердца своими пламенными речами, сновали бездельники, сновали карманники, сновали все те, кому любая неразбериха и любой хаос были милы и желанны.

Все это было. И не было лишь одного – власти. Слухи не пресекались. Ситуация с хлебом не решалась. Меры не принимались. Столица с каждым часом все глубже погружалась в хаос анархии при полном самоустранении власти. Вскоре всем стало понятно – так дальше жить нельзя.

Это стало понятно и демонстрантам, и солдатам, и офицерам, и самой петроградской власти. Жизнь утратила привычные очертания и наполнилась чем-то неясным, пугающим, но в то же время и будоражающим кровь.

Революция.

Толпа, оцетинившаяся красными флагами и транспарантами, двигалась по каменному ущелью между бесконечной вереницей домов. Двигалась, выкрикивая лозунги. Двигалась с мрачной решимостью. Двигалась куда-то, просто потому, что туда двигались все.

Революция.

Егорка покатал это слово на языке и довольно причмокнул. События последних дней очень нравились ему. Ну так еще бы – пусть и голодно, но зато же весело! Эти дни наполнили событиями скучную жизнь десятилетнего мальчишки, и он меньше всего бы хотел того, чтобы все происходящее вдруг кончилось, вернувшись в обыденное русло. Пусть веселье продолжится!

Ну, а голодно – ну что ж, его двоюродным братьям и сестрам в деревне куда хуже, чем ему в городе. Батяня его вовремя бросил все и подался на заработки в Петроград. И вот теперь он был объектом глухой зависти для всей деревенской родни. Ну, еще бы – рабочий Путиловского завода жил несравнимо сытнее, чем крестьянин в деревне. Да и вообще, с каждым годом, несмотря на войну, сокращался рабочий день, жизнь становилась более обеспеченной и уже не шла ни в какое сравнение с тем, как жили рабочие еще двадцать лет назад. Во всяком случае, рассказы старых рабочих о жизни в старых заводских бараках холодили кровь пацанов не хуже выдуманных страшилок про нечистую силу.

Так что голод Егорка пока был готов немного и потерпеть. Только вот мамку жалко. В последние дни она приходила домой сама не своя от холода и усталости. И если поначалу она приносила домой хоть сколько-то хлеба, то последние три дня хлеба не стало вовсе. Лишь многие часы стояния на морозе и многие часы отчаяния – вот и все, что выпадало на ее долю. Ну, и конечно, младшим братьям и сестрам не было дела до Егоркиного лихого веселья на улицах – они просто хотели есть. А есть-то было и нечего. Плакала мать, ожесточался отец, смотрели голодными глазами младшие. Как жить дальше и что будет – об этом все время спрашивали взрослые друг у друга.

Егорка покосился на идущего рядом отца. Батя был против того, чтобы его старший сын шел на эту демонстрацию, но, понимая, что малец все равно сбежит из дому, и все равно будет бегать по всяким митингам и демонстрациям, решил все же взять его с собой, держа, таким образом, сорванца в поле своего зрения.

И вот теперь они шагали рядом. Шагали в толпе таких же работяг. Женщин в толпе было мало, да чему ж тут удивляться, если большую часть времени они проводили в бесконечных очередях за хлебом, пытаясь купить хоть сколько-то его, пока мужья их работали на заводах и фабриках Петрограда. Вот и батя Егорки, Иван Петрович Знахарев, слесарь-инструментальщик Путиловского завода, сегодня с самого утра отправился на смену, но дойти до своего рабочего места ему было не суждено: перед воротами стояла толпа митингующих, которые не пропускали никого на территорию завода и призывали всех на демонстрацию.

Батя только успел заскочить домой, чтобы предупредить мамку о том, что идет на демонстрацию и будет неизвестно когда, но оказалось, что мамка все еще не вернулась из очереди за хлебом, а за детьми присматривает соседка. Ну, за детьми она-то, может, и присматривала, но поскольку Егорка категорически отрицал такое определение для такого взрослого мужика, каким был он сам, то и слонялся он где хотел и с кем хотел.

В общем, выбора у родителя брать или не брать Егорку с собой особого не было. Так и оказался Егор в этой толпе. Ему нравилось идти, нравилось что-то кричать, часто даже не понимая значения выкрикиваемых слов. Нет, ну что такое сокращение рабочего дня или уменьшение размера штрафов, он себе вполне представлял. А вот что такое «Земли и хлеба!», он понимал лишь наполовину, в той лишь части этой фразы, которая касалась хлеба. А вот про землю городской мальчишка не мог сказать ничего. Да, вроде как если бы у родни в деревне было бы больше земли, то тогда... Что тогда было бы, Егорка ответить затруднялся, если бы, конечно, у него об этом кто-то спросил. Ну, что тогда? Не жила бы родня так голодно, как сейчас, так, наверное?

Впрочем, ум десятилетнего мальчишки не очень занимали проблемы деревенской родни, особенно если учесть, как весело стало теперь в Петрограде. Вперед, к революции!

Толпа завернула с Большого проспекта на Шестую линию и двинулась к набережной. Идущие шумели, выкрикивали лозунги о революции, и Егорка выкрикивал вместе со всеми. Батя пытался ему объяснить, что значит это слово – «революция», но не слишком преуспел, постоянно сбиваясь на какие-то конкретные обиды и желания. Наиболее понятно объяснил революцию закадычный друг Матвей, который определил ее так: «Будем сами делить хлеб по справедливости». Впрочем, сам Егор для себя слово «революция» определял как праздник вседозволенности и очень радовался тому, что революция продолжается.

Вдруг толпа зашумела. Что было впереди, Егорке видно не было, но шум и беспокойные крики говорили о том, что впереди что-то нехорошее. И вот прозвучало слово «казаки!», и сердце учащенно забилося. Батя начал высматривать кого-то поверх голов, держа одновременно сына за руку.

– Казаки! Казаки! Сейчас шашки наголо, и подавят нас!

Демонстрация панически задержалась, пытаясь определить, что же делать дальше – идти вперед, стоять, или же бежать отсюда. Впереди, что-то кричали казакам, но, судя по всему, те никак не реагировали на выкрики. И вот, достигнув кульминации нервного напряжения, толпа вдруг взорвалась радостными криками, приветствиями и здравницами.

Через минуту мимо Егорки проехали на своих скакунах казаки. Они спокойно продвигались сквозь толпу, никак не реагируя на выкрики, ободряющие похлопывания и призывы. К разочарованию многих, казаки не присоединились к демонстрантам, а просто проехали сквозь толпу и исчезли за углом улицы.

Однако то, что казаки не стали атаковать и вообще как-либо проявлять враждебность к демонстрантам, ободрило очень многих. Толпа радостно зашумела и двинулась дальше, в сторону Николаевского моста, выкрикивая призывы к спешно выстраивающимся на мосту солдатам.

Петроград. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Кутепов осмотрел выстроившиеся три роты гвардейцев и спросил у их командиров, в каком они состоянии. Поручики Сафонов и Браун переглянулись. Слово взял Сафонов.

– Ваше высокоблагородие, состояние рот хорошее, моральный дух тверд, патронов в достатке, но...

– Что «но»? – повернулся к нему Кутепов.

– Дело в том, что личный состав со вчерашнего дня ничего не ел. Им вчера даже ужин «забыли» выдать. Солдаты, конечно, держатся, но возможен ропот.

– Вот как? – Полковник нахмурился. – Преступное безобразие. Немедленно из полковой кассы выделить денег и купить в лавках по дороге достаточно ситного хлеба и колбасы. Накормите людей.

Сафонов козырнул и бросился выполнять распоряжение. Поручик Браун тем временем обратил внимание Кутепова на идущих по Невскому солдат пулеметной роты, которые тащили на себе пулеметы и ленты к ним. Выглядели пулеметчики неважно и довольно расхлябанно.

– Здорово, братцы! – зычно обратился к ним Кутепов, когда они подошли и построились.

Однако вместо бравого слитного ответа полковник услышал лишь несколько голосов, которые вразнобой ответили на его приветствие. Большинство просто промолчало.

Кутепов прошел вдоль строя, рассматривая лица солдат и пулеметы. Дойдя до конца шеренги, он спросил у молодого штабс-капитана, командовавшего ротой.

– Смогут ли ваши пулеметы и пулеметчики открыть огонь по первому требованию?

Тот очень сильно смутился и начал что-то лепетать про то, что нет в кожухах воды, да и масла нет совсем, поэтому...

Чем больше тот лепетал, тем больше хмурился Кутепов. Тут все было ясно – пулеметы есть, но их нет. Двадцать четыре пулемета, нужные ему как воздух. А из них нужно еще половину отдать. Следует хотя бы выбрать из них двенадцать наиболее работоспособных.

Тут он, пораженный внезапно пришедшей в голову мыслью, потянулся за лежащей в кармане телеграммой и, уже не слушая лепет штабс-капитана, буквально впился в сухие телеграфные строки:

«Я знаю, что сегодня Вам предложат возглавить сводный карантинный отряд из трех бригад с одним карантинным аппаратом – соглашайтесь. Позже вам поступят еще двадцать четыре карантинных аппарата – заклиная вас, перед тем как отдавать половину, убедитесь в том, что ваша половина нормально работает».

Подняв глаза на стоящие в ряд двадцать четыре пулемета, Кутепов похолодел.

– Браун!

– Слушаю, господин полковник.

– Лично опросите всех пулеметчиков. Отберите из них самых благонадежных на ваш взгляд и сформируйте двенадцать пулеметных команд. И отберите двенадцать самых исправных пулеметов.

– Но позвольте... – растерянно проблеял штабс-капитан, командовавший пулеметной ротой.

– Не позволю, – отрезал Кутепов. – Вашими стараниями боевая рота превратилась в стадо баранов! Где дисциплина? Где исправные пулеметы? Где, я вас спрашиваю?

– Но дело все в том, что...

– Довольно! – Кутепов решительно махнул рукой. – Я отстраняю вас от командования ротой. Можете жаловаться кому хотите. Браун, распорядитесь прапорщику Кисловскому временно возглавить пулеметную роту. Мы забираем все двадцать четыре пулемета, уверен, что нам они пригодятся больше. Опросите всех солдат в наших ротах, необходимо выявить всех, кто хоть как-то умеет обращаться с пулеметом, и заменить ими самые ненадежные команды. Далее. Даю вам полчаса на то, чтобы проверить все пулеметы, запастись водой и всем необходимым. Через тридцать минут я хочу видеть в ближайшем дворе пробные стрельбы из всех пулеметов. Если найдутся пулеметы, которые не смогут стрелять, их постоянные команды пойдут под трибунал. И передайте пулеметным командам – кто откажется выполнять приказ по открытию огня и вообще любой мой приказ, того я расстреляю собственноручно. Все понятно? Выполняйте!

Когда все разбежались выполнять приказы, Кутепов еще раз развернул телеграмму и задумался. Было уже ясно, что перед ним не ошибка и не бред сумасшедшего, а изложенная эзоповым языком военная депеша. Причем от лица, которое было явно в курсе происходя-

щего и даже знало о том, что может произойти. Кто это лицо? Понятно, что «доктор» Романов Михаил Александрович – никакой не доктор. А кто? На ум приходил только один Романов – великий князь Михаил Александрович, да и сокращения «г.-а., в. кн.», скорее всего, расшифровываются как «генерал-адъютант, великий князь». Ну, допустим. И даже допустим, что великий князь и брат государя более осведомлен о происходящем, чем простой полковник Кутепов. И что из этого следует?

Александр Павлович еще раз перечитал всю телеграмму. Так, значит, можно предположить следующее. «Карантинный отряд» – это, очевидно, карательный отряд, который ему поручили возглавить. «Двадцать четыре карантинных аппарата» – это двадцать четыре пулемета. Правда, предполагаемый великий князь пишет, что половину пулеметов нужно отправить, но тут уж Кутепов их не отдаст. Особенно с учетом того, что «Не спешите слепо выполнять распоряжения главного врача Петрограда – к вечеру эпидемия оставит столицу без всякого управления». Ну, «главный врач Петрограда» – это, очевидно, Хабалов и есть...

Тут его размышления были прерваны появлением на арене нового персонажа. Из подъехавшей коляски выпрыгнул путавшийся в длинных полах шинели полковник князь Аргутинский-Долгоруков и буквально побежал навстречу Кутепову. Тот удивленно пожал плечами и пошел ему навстречу.

Первым вопросом, который задал князь, был:

– Александр Павлович, голубчик, вы не видели роту лейб-гвардии Егерского запасного полка? Она должна была идти вам навстречу.

Кутепов отрицательно покачал головой.

– Ах, видимо, где-то потерялись... А я к вам по делу, Александр Павлович! – князь Аргутинский-Долгоруков явно был очень взволнован. – Дело в том, что вам необходимо срочно вернуться. Там взбунтовавшаяся толпа солдат и рабочих подошла Окружной суд и движется в сторону Зимнего дворца!

Кутепов, не веря своим ушам, поинтересовался:

– А у вас там что – мой отряд единственный?

Князь горестно вздохнул и, вместо того чтобы вручить ему новый приказ, вновь принялся уговаривать:

– Дорогой мой, Александр Павлович, право, вам необходимо поспешить к Зимнему дворцу. Положение просто отчаянное!

– Следует ли понимать, что предыдущий приказ генерала Хабалова я должен считать отмененным?

Аргутинский-Долгоруков всплеснул руками.

– Так Хабалов меня и послал за вами! Поспешите, Александр Павлович!

Кутепов хмыкнул и ответил:

– Передайте генералу Хабалову, что я двинусь по Литейному проспекту, затем по Симеоновской улице, к цирку Чинизелли, откуда выйду на Марсово поле, где, вероятно, и встречу эту вашу толпу, не допуская ее к Зимнему дворцу.

Глядя вслед уезжавшему Аргутинскому-Долгорукову, Кутепов проговорил:

– Двинусь. Но не ранее, чем проверю и исправлю все пулеметы...

Петроград. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Нестройное пение перемежалось с выкрикиванием лозунгов и здравиц, шум толпы время от времени перекрывался звоном разбитого стекла и хаотически звучащими выстрелами. Возбужденная людская река текла по улицам столицы. Где-то били окна и витрины, какие-то подзрительные личности проводили «революционную экспроприацию» добра из подвернувшихся лавок и складов, выстрелы, как правило, не носили характера военной необходимости, а были неким выражением вседозволенности и долгожданной свободы от всего, что ассоциируется с

такими старорежимными понятиями, как закон и порядок. Стреляли просто в воздух, разбивали выстрелами уличные фонари, пускали пули в окна домов, которые выглядели «крайне подозрительно».

Тимофей Кирпичников шел вместе со всеми и был мрачен. Так хорошо начинавшееся революционное предприятие, которым, по его мнению, стал успешный поход по казармам других полков для их включения в революцию, очень быстро превратилось в хаос, и солдаты, слившиеся с массой рабочих и других элементов, практически сразу перестали слушаться любых команд и больше не представляли никакой военной силы. Только факт удивительного бездействия властей позволял «революционным массам» захватывать одну улицу за другой. Фактически властями столица была отдана на разграбление.

Правда разграбление уже почти завоеванного города осуществляла не вражеская армия, а само население этого города, при поддержке солдат его же гарнизона. Солдат, которые когда-то давали присягу защищать и страну, и сам этот город.

Из-за угла потянуло дымом, и, дойдя до поворота, Кирпичников увидел охваченное пламенем здание полицейского участка. Под общее улюлюканье и выстрелы в воздух к стене ближайшего дома вытолкали несколько человек, по обрывкам формы в них можно было опознать чинов полиции. Грянули выстрелы, и толпа радостно завизжала, глядя на упавшие у стены тела.

С какого-то, не видимого из-за толпы возвышения, вещала какая-то истеричная мадам, с другой стороны улицы, стоя на тумбе фонарного столба, толкал пламенную речь какой-то чернявый юноша, и его кучерявая голова двигалась вверх-вниз в такт его крикам.

Кирпичников с безразличием посмотрел, как какие-то солдаты тащат сквозь толпу офицера с оторванным погоном и залитым кровью лицом. Проследив направление их движения, он увидел, как пара других солдат уже привязывают веревочную петлю к перекладине фонарного столба.

Сплюнув и втоптав в грязный снег окуроч, Тимофей Кирпичников пошел в направлении центра города.

Петроград. Васильевский остров.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Через несколько минут первые демонстранты показались с Шестой линии и стали заворачивать налево в сторону моста.

У входа на мост с винтовками на руку линией стояла полурота финляндцев, а прапорщик Басин стоял перед строем с обнаженной шашкой в руках. Приближающаяся толпа нестройными голосами распевала «Марсельезу» и явно не собиралась останавливаться, уверенная в том, что и здесь повторится номер, который произошел несколько минут назад с казаками, которых, кстати, в толпе видно уже не было.

Из походящей массы звучали крики «Да здравствует республика!», «Долой войну!», «Долой полицию!» и «Ура!». Какой-то рабочий с красным флагом «Долой самодержавие!» бросился на прапорщика, пытаясь ударить его древком.

Басин ухватился левой рукой за древко флага, а правой с силой толкнул рабочего в грудь эфесом шашки, да так, что тот упал и, падая, выпустил флаг из рук.

Прапорщик швырнул на мостовую флаг, и в этот момент из толпы раздались несколько выстрелов. Одна пуля просвистела над головой Басина, а две другие ранили стоящих в цепи солдат. Какие-то молодчики бросились из толпы к шеренге, явно собираясь отнять винтовки. Первый из подбежавших немедля получил от солдата прикладом в лоб, но подбежали другие...

Полковник Ходнев поднял руку с шашкой и скомандовал:

– Первый... Поверх голов... Товсь...

Неизвестно, как выполнили бы этот приказ финляндцы до прозвучавших выстрелов и криков раненых товарищей. Однако после этого и видя явную агрессию со стороны толпы, они, не колеблясь, выполнили приказ полковника Ходнева.

– Пли!

Залп потряс улицу, где-то зазвенели оконные стекла. Толпа испуганно отпрянула, кто-то дико закричал, и когда полковник вновь поднял шашку для команды, масса народа развернулась и, бросая флаги и транспаранты, кинулась врассыпную. Через пару минут на площади перед мостом остались лишь солдаты лейб-гвардии Финляндского полка и полицейское оцепление позади них.

На грязном снегу до самого угла Шестой валялись брошенные красные тряпки, бывшие еще недавно революционными флагами и транспарантами. Среди них лежало несколько тел, попавших под каток бегущей и охваченной паникой толпы.

Такая же картина открылась полковнику Ходневу и на самой Шестой линии. Кроме лежащих на снегу, никаких других демонстрантов на улице не было видно.

Петроград. Васильевский остров.

27 февраля (12 марта) 1917 года

Он бежал, спотыкаясь, бежал со всех ног, толкаемый другими обезумевшими людьми. Бежал, изо всех сил стараясь удержаться на своих детских ногах, потому как знал, что стоит ему упасть, и почитай все пропало – не встать ему уже никогда. Да и как тут встанешь, когда бегут тысячи, и бегут они, не разбирая дороги и не глядя, куда или на кого ставят свои ноги.

И как же им было не бежать-то, если сзади бежит толпа, слепая и разрушающая все на своем пути. А позади прозвучал новый винтовочный залп.

От сильного толчка в спину Егорка все же не удержался на ногах, и лишь счастливый случай помог ему покатиться в сторону какого-то входа в полуподвал. Спуск туда был крошечным и состоял всего из несколько ступенек, однако то, что было существенным недостатком во время бега в толпе, на этот раз послужило добрую службу, ведь о том, чтобы спрятаться от пуль в таком небольшом углублении, взрослому и думать было бы нечего. А вот десятилетний мальчишка сумел сжаться в три погибели, лишь наблюдая с ужасом за тем, как через его убежище перепрыгивают, сквернословя, все новые и новые люди. К счастью для Егора, ни один из них не попал ногой в его ухоронку, а то и костей бы ему не собрать.

Изловчившись, мальчик подергал дверь в полуподвал и тихо заскулил, убедившись в том, что та была наглухо заперта. Уже провожая взглядом последних скрывающихся за углом демонстрантов, он понимал, что остался один на один с теми, от кого они все с таким ужасом сейчас бежали по улице.

Опасливо обернувшись туда, откуда начался их бег, Егор к своему великому облегчению убедился, что не шагают по улице цепи солдат с винтовками наперевес, что их черные штыки более не грозят ему. Лишь одинокая фигура полковника виднелась на фоне набережной.

Так и смотрели друг на друга, поверх лежащих на снегу нескольких раздавленных тел, полковник, отдавший своим солдатам приказ стрелять в сторону толпы, и мальчишка, который в этой самой толпе как раз и находился.

Полковник Ходнев постоял пару минут, хмуро глядя на опустевшую улицу, отмеченную страшными приметами того безумия, которое охватило в эти дни любимый полковником город, а затем медленно пошел в сторону удерживаемого его подчиненными моста.

Когда фигура полковника скрылась за углом, мальчишка спешно выбрался из спасшего его углубления и быстро подбежал к лежащим на грязном снегу. Мечась от тела к телу, он выискивал среди них кого-то знакомого, страшась сам себе признаться в том, что ищет среди лежащих своего отца. Но к счастью для Егорки, отца среди задавленных толпой не было. Представив себе, как сейчас мечется отец, ища в бегущей толпе его самого, он поспешил покинуть

это страшное место. Завернув на Большой, Егор со всех ног помчался по проспекту вслед бегущей толпе.

Петроград. 27 февраля (12 марта) 1917 года

Сводный отряд полковника Кутепова двигался по Литейному проспекту. Впереди шагала оцетинившаяся штыками рота лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка, за ней двигалась пулеметная рота, следом шли две роты лейб-гвардии Преображенского запасного полка.

Далее по проспекту уже видны были клубы дыма, поднимающиеся от здания горящего Окружного суда. С той стороны слышались отдельные выстрелы, в том числе иногда звучали и пулеметные очереди. Очевидно, что мятежники стреляли куда попало, поскольку лишь некоторые пули пока свистели над головами солдат сводного карательного отряда.

– Поручик Скосырский!

Тот подбежал к Кутепову и козырнул.

– В общем, так, поручик, бегите к ближайшему телефону и передайте в градоначальство генералу Хабалову, что ввиду сложившейся обстановки я вынужден отдать приказ приостановить свое продвижение в сторону Зимнего дворца. Мы начинаем зачистку данного района. Выполняйте!

Скосырский метнулся выполнять, а Кутепов уже отдавал приказы кексгольмцам разомкнуть ряды на три шага во взводной колонне и выдвинуться к дому князя Мурузи, откуда, как успели доложить полковнику, как раз и бил пулемет.

Разведчики разбежались выяснять ситуацию в районе Преображенского собора, Собрания армии и флота, Кирочной улицы и Орудийного завода. В случае выявления сопротивления туда должны были выдвинуться на подавление взводы и полуроты при требуемом количестве пулеметов.

Рота преображенцев поручика Сафонова при четырех пулеметах выдвинулась для взятия под контроль Бассейной улицы со стороны Надеждинской и Баскова улицы, выходящих на Бассейную. Взводу с одним пулеметом из роты поручика Брауна было поручено закрыть Артиллерийский переулочек, который выходил непосредственно на Литейный проспект. Все команды получили приказ при продвижении толпы в их сторону отрывать огонь сначала поверх голов, а если потребуется, то и на поражение.

Раздав указания, Кутепов огляделся. Тут ему в глаза бросились группы солдат лейб-гвардии Литовского запасного полка, которые кучковались в большом смущении вдоль Литейного проспекта. Отдельно стояла и переговаривалась группа офицеров того же полка, явно не собираясь руководить своими подчиненными. Полковник нахмурился, а затем послал подвернувшегося под руку унтер-офицера выяснить у господ офицеров, в чем, собственно, дело.

Через пару минут все офицеры подошли, как положено, к Кутепову и доложились, что у них в казармах большая суматоха и они не знают, что им в этой ситуации делать.

– Господа, мне непонятна ситуация. Потрудитесь объяснить, в чем дело и почему вы не командуете своими солдатами. – Кутепов хмуро оглядел собравшихся.

– Дело в том, ваше высокоблагородие, что солдаты не знают, как им поступить. Они не хотят участвовать в мятеже, но боятся, что их расстреляют за то, что они уже совершили. Поэтому они стоят и ждут, когда им скажут, что их не станут за это расстреливать.

Полковник удивленно воззрился на офицеров.

– Ну, а вы что им сказали?

Говоривший поручик помялся.

– Проблема заключается в том, господин полковник, что нам они не верят и требуют какое-то начальство повыше.

Кутепов оглядел офицеров цепким взглядом и жестко сказал:

– Это крайне прискорбно, что солдаты ваши не верят вам, своим офицерам и командирам. Это крайне плохо, вы меня понимаете, господа офицеры?

Собравшиеся понурились и прятали глаза.

– Ну, хорошо, господа, тогда решим так. Я как начальник сводного карательного отряда города Петрограда, назначенный приказом главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Хабалова и имеющий самые широкие полномочия, в сложившейся обстановке принимаю общее командование над вашим запасным полком и включаю его в состав сводного отряда. Приказываю командиру лейб-гвардии Литовского запасного полка дать распоряжение своим офицерам собрать всех своих солдат в двух ближайших дворах. Я буду говорить с людьми. Выполняйте.

Глядя вслед офицерам, Кутепов повторял про себя фразу из телеграммы, которая все больше пугала его своей прямо-таки мистической достоверностью: «Действуйте решительно. Мобилизуйте здоровых врачей и санитаров. Отстраняйте растерявшихся, малодушных и имеющих симптомы заражения красной чумой. Назначайте здоровых и решительных. Принимайте под свое начало другие карантинные отряды».

Пока полковник думал, к нему подбежал старший унтер-офицер Преображенского полка Маслов и доложил:

– Ваше высокоблагородие! Там собралась солдаты лейб-гвардии Волынского запасного полка, и их унтер-офицер очень просит ваше высокоблагородие подойти к ним. Они не хотят участвовать в мятеже, но боятся вернуться в казармы, опасаясь расстрела за мятеж. Просят дать гарантии и разрешить им вернуться в казармы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.